

Апология чиновного капитализ

Январь

Официального объяснения начавшихся процессов массовой национальной публике не предложено. Придется думать самим.

Крупный актив, выставляемый на продажу государства «Юганскнефтегаз», достается государственной компании. Крупный актив, выставляемый на продажу вроде бы не государством, «Сибнефть», тоже достается государственной компании. Крупный актив, совсем не выставляемый на продажу, АвтоВАЗ, все равно оказывается в руках у государственной компании. Тенденция, однако.

Тот — к сожалению, уже привычный — факт, что власти полсловом этой тенденции не разъясняют, не означают, объяснений у нее нет. Популярная версия, согласно которой

и происходящем никакого смысла, помимо воровства, нет и искать его незачем, представляется нам плоской и крайне непродуктивной. Ну да, воруют непременно; но не только же воруют — делают ведь и еще что-то, да и воруют не все. Мы предпочитаем, если уж смысл начавшейся масштабной кампании не заявлен, попытаться его понять собственными силами. Результат этой попытки перед вами.

Имлагается он в ходе очередного разговора с воображаемым представителем верховной власти. Как и в ходе предыдущих подобных бесед (см. разд. «Апология государственности» и «Апология собственности»), мы не можем утверждать, что **Государственник** точно излагает позицию Кремля. Мы лишь стараемся его устами дать связное и внутренне непротиворечивое объяснение всей совокупности наблюдаемых поступков власти в обсуждаемой сфере.

Мы не знаем, правильно ли мы развернули точку зрения власти, и мы сознательно воздерживались (и удерживали **Вопрошателя**) от исследования вопроса, насколько описываемая нами концепция сама по себе верна и благотворна. Нас интересовали ровно две вещи: непротиворечивость концепции и ее согласованность с наблюдаемыми властными проявлениями.

Нужное соотношение

Вопрошатель: В стране идет ползучая национализация. То «Юганскнефтегаз», то «Сибнефть», то АвтоВАЗ разными способами обретают одинаковую судьбу: оказываются внутри госкомпаний. Теперь ходят упорные слухи, что в ближайшие месяцы внутри госкомпаний будут затянуты и «Норильский никель», и УГМК (Уральская горно-металлургическая компания), и ЕвразХолдинг, что будет событием знаковым: если в нефтянке государство никогда и не сдавало позиций, то из металлургии оно полностью ушло — и теперь, значит, возвращается. Все эти акции происходят без какого бы то ни

было обоснования, публике не предъявляют никаких аргументов. Даже в случае с АвтоВАЗом, где очень было что сказать: мол, Каданников за семнадцать лет практически забил шансы на возрождение отечественного автопрома, а попытаемся спасти, что можно, — сказано не было ни слова. Забрали — и все. Нам дают понять, что процесс это абсолютно естественный и объяснять в нем нечего. Может быть нарушите заговор молчания и объясните, что происходит.

Государственник: Упомянутые вами события действительно не случайны. Они вытекают из принятой нами модели поведения, которая реализуется — хотя и медленнее, чем хотелось бы, — по разным направлениям, не только в национализации о которой вы говорите. Большая часть этой концепции суждалась нами год назад, в «Апологии государственности» и нынешние наши действия в отношении корпоративных активов ничему из сказанного тогда не противоречат.

В.: Позвольте, но вы тогда и не намекали на то, что активы крупных корпораций намечено «огосударствлять». Речь шла лишь о том, что титульные собственники должны осознать, что они — не более чем назначенцы, обязанные работать в согласовании с государством, — и пусть себе живут. За прошедший год что-то поменялось?

Г.: Нет. Они себе и живут.

В.: Но их, скажем так, снимают. Отправляют в свободное плавание — в Челси, там, или на пенсию в банчок...

Г.: Не подряд же их «снимают». Это происходит с теми, кто по той или иной причине перестает быть активным управленцем — кто считает, что все возможное в качестве менеджера сделал — и собирается почивать на лаврах, например в кресле председателя совета директоров соответствующей корпорации.

В.: Пусть так. Но почему при этой смене «уставших» вы сокращаете количество действующих рыночных лиц? Разве

Нельзя было сменить генерального директора (Chief Executive Officer, CEO) в той же «Сибнефти», не втягивая ее в «Газпром»?

Г.: Процесс замены CEO должен быть юридически чист — в первую очередь для того, чтобы не снижать инвестиционную привлекательность. Ну не с каждым же поступать, как с «Юганскнефтегазом». Мы ведь с вами уже говорили: ЮКОС отыгран так, как отыгран, но делать из его истории универсальный шаблон никто не хочет. Замена CEO на более энергичных... на других людей проходит в названных вами корпорациях без внешних конфликтов — не только вследствие применения юридически чистых схем, но и из-за того, что все помнят про «Юганскнефтегаз». Именно потому, что та история в памяти, истинный собственник, государство, может сегодня поменять топ-менеджеров. Но для полной юридической чистоты нужна и перегруппировка активов — ее мы сейчас и проводим.

В.: Это эвфемизм, покрывающий восстановление государства в роли не только, как вы говорите, «истинного», но и титульного собственника?

Г.: Государство не будет становиться титульным собственником всех крупных активов. Я не хочу говорить, что приватизация слишком сильно затронула стратегические отрасли, — наверно, это было нужно, чтобы вообще возник рынок. Но, с нашей точки зрения, соотношение государственных и негосударственных активов должно быть иным, чем оказалось после приватизации. Сейчас мы нужное соотношение и восстанавливаем.

Ресурсы для коррупции

В.: Вам, без сомнения, известно, что заметнейший шаг на этом пути, поглощение «Газпром» «Сибнефти», вызвал весьма разноречивые толки. Многим показались странными

и величина выплаты, и способы выплаты — и то, что тринадцать с чем-то миллиардов в итоге оказались за рубежом..

Г.: Я не буду подтверждать ни сумм, ни деталей сделки..

В.: ...ни списка бенефициариев..

Г.: Это все не важно (*улыбается*).

В.: То, что многих наблюдателей история с «Сибнефтью» вела на размышления о коррупции, есть свидетельство порченности их умов?

Г.: Да нет, не только. Но нужно подробнее сказать о природе российской коррупции. Она у нас не похожа на наблюдаемую в других развитых странах и, к сожалению, больше походит на страны развивающиеся. В России два вида коррупции: беловоротничковая и пещерная (см. разд. «Глоссарий российской коррупции», с. 141). Пещерная существует с незапамятных времен, а беловоротничковая экспоненциально развивалась все девяностые годы. Именно она и есть та саркома, которая съедает и экономику России, и сам институт рыночных отношений.

Эта теория не нова и достаточно известна, и, хотя не все наблюдатели готовы и способны анализировать в этих терминах, изменения взяточности они чувствуют спиной и мозгом. Присоединение «Сибнефти» к «Газпрому», как и любое другое слияние или поглощение, имеющее отношение к государству, в сегодняшней законодательной среде неизбежно связано, к сожалению, с коррупцией. Но связь это прямая.

В.: Так зачем же вы увеличиваете объем этой саркомы, беловоротничковой коррупции?

Г.: Напротив, мы его уменьшаем.

В.: Странно вы это делаете. Беловоротничковая коррупция возникает в Охотном ряду — и бороться с ней надо в Охо

ном ряду. Но вы почему-то, имея в Думе большинство шесть лет, этого вовсе не делаете.

Г.: Вы как-то очень радикально настроены. Поймите, это большая тема. Да, в Думе у нас большинство, но нужно понять, как и что делать. Вот сейчас вроде бы поняли. Но кто понял? Отдельные лица. Осознание обществом, даже его элитой, сути проблемы — отсутствует. Слово «взяткоемкость» — да, постепенно входит в оборот, но понимают его правильно считающие единицы. И думское большинство пока не понимает правильно, какова природа российской коррупции.

В.: Да скажите же прямо, что вам не под силу проломить социальную лоббистскую мощь господ беловоротничковых коррупционеров.

Г.: Хорошо. Я готов констатировать, что лоббистская мощь, определяемая объемом денег, вовлеченных во «взяткоемкие» процессы, столь велика, что сегодняшняя власть не может одномоментно изменить ситуацию в законодательной среде.

В.: Вы так подчеркиваете слова «сегодняшняя» и «одномоментно», что сразу хочется спросить: а что может поменяться к лучшему?

Г.: После 2007 и 2008 годов при сохранении вертикали власти ведущая часть общества сможет осознать необходимость борьбы с беловоротничковой коррупцией. Чем это может быть вызвано? Очевидно, потерей конкурентоспособности тех сил, которые сегодня так сильно сплочены.

В.: Что за ослабеванием ныне непобедимой силы может последовать перелом в борьбе — за это, конечно, спасибо. Но почему эту конкурентоспособность снизят выборы-2007/2008, даже пройди они для вас идеально?

Г.: Да не сами выборы, а сохранение курса на укрепление государственности. Почему сложившийся в России чиновный

капитализм устойчив? Почему устойчива беловоротничковая коррупция? Потому что в России неправильно выстроилось сочетание формальных (законных, гражданско-правовых) и неформальных отношений. Потому что раздел кресла чиновника, решениями которого управляется ответственность, — и титул собственника; при том что чиновник по сути, и является неформальным собственником активов или по меньшей мере финансового результата их функционирования.

Вот вы спрашивали, почему мы так вяло работаем по этому направлению в Думе. Отвечаю: потому что мы избрали основным инструментом борьбы с беловоротничковой коррупцией именно национализацию активов и связанных с ними финансовых потоков. Чистую, «белую» национализацию. При этом сам объем потенциально возможной коррупции не уменьшается, но к все большей части этого объема оказывается применен наличный государственный инструментарий — Минпрокуратура. Что произойдет в результате поглощения государством «Сибнефти»? Беловоротничковая коррупция, связанная с ее активами, в большей своей части перейдет в ряд коррупции пещерной, ибо титул и субъект собственности наконец совпадут. Отмывание активов формальным собственником и передача их в чиновные руки после слияния станут невозможны. И коррупция будет доступна для органов внутренних дел. Раньше милиция не могла спросить собственника, почему он увел деньги туда и туда, — после национализации станет можно спросить конкретного чиновника со всей прямотой, и ответы «не ваше дело» будут невозможны.

В условиях сплоченности гигантского лоббистского ресурса, поддерживающего беловоротничковую коррупцию, наиболее эффективным оказался этот курс: на уменьшение суммы активов, лежащих в основе этого ресурса. Когда объем неизъятых активов уменьшится до той величины, с которой мы сможем справиться, в том числе и с помощью думского большинства, вот тогда законодательство резко обновится.

и части норм, позволяющих сегодня чиновникам принимать решения по чужим рыночным активам.

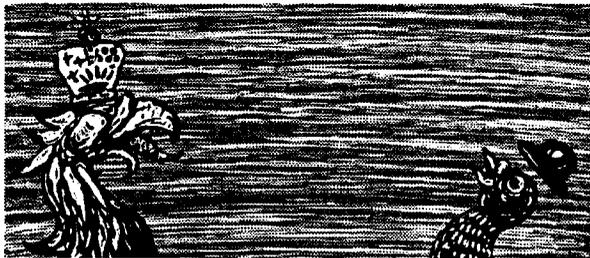
Новый «госплан»

В.: У любой власти две задачи: препятствовать дурным делам и совершать хорошие. Вы рассказали, как, по вашим расчетам, втягивание крупных компаний в казну мешает дурным делам. Допустим. А где дела хорошие? Позвольте конкретный пример. Прошлой осенью вся страна волновалась из-за роста цен на бензин. Включились административные рычаги, и некоторые крупные производители подписали мораторий на повышение розничных цен. Он, правда, не соблюдается, но дело не в этом. Дело в том, что коренной причиной подорожания бензина стал дефицит: нефтеперерабатывающие мощности старые и недостаточные. Более того, при сохранении трендов нам года с 2010-го придется импортировать бензин. У государства и прежде была немалая доля нефтянки, теперь уже больше половины, но никаких проектов ни по модернизации своих нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ), ни по строительству новых гос- и квазигоскомпаний не осуществляли и не осуществляют. Между тем единственным экономическим аргументом в пользу происходящей национализации остается утверждение, что таким-де образом создаются могучие хозяйствующие субъекты, способные на стратегическое поведение. Вопрос: где же стратегическое поведение госнефтянки? Где новые НПЗ? Где новые нефтепроводы?

Г.: Мы с вами люди из прошлого, люди из СССР. И вы, безусловно, помните, как решения о модернизации активов принимались в СССР, как эти решения доводились до исполнителя, как контролировалось исполнение. Смотрите, что получилось сегодня. В рамках чиновной экономики к обсуждаемым активам применялись методы управления, несовместимые с нынешней стадией ее, чиновной экономики, развития: методы, основанные на Гражданском кодексе, на Законе

об акционерных обществах. Поясню. Вот в «Сибнефти» формальный владелец. Он, по существу, сам был и совет директоров, и правлением: и принимал решения, и контролировал. Поскольку он, будучи умным человеком, понимая временность своей позиции, у него не было необходимости направлять прибыль на модернизацию тех же НПЗ. За отсутствие инвестиционных проектов на той, первой, стадии отвечать не могу и не хочу — мы ее *изменяем* — в том числе и поэтому. Теперь послушайте, как будет дальше.

В.: «Роснефть» всегда была вашей...

Г.: Послушайте до конца, и вы поймете, чего не хватало правительству в отношениях с той же «Роснефтью» и что должны сейчас сделать. Ради одной «Роснефти» не было смысла создавать госплан. Не в прежнем виде, модернизированный, но именно такой орган, который будет управлять национализированными компаниями — вместо совета директоров. Управление государственными активами будет выглядеть иначе, чем в обычном АО. По сути, там будет почти такое же разделение корпоративных властей, как в любом рыночном субъекте, но эти власти должны соответствовать особому типу собственника — государству. Между правительством, принимающим макроэкономические решения и хозяйствующими субъектами должен стоять орган, планирующий и контролирующий их деятельность. Вот этот орган и будет планировать ваши новые НПЗ и будет принимать решения о направлении финансовых результатов деятельности в те или иные инвестиционные проекты.

В.: Простите, не понимаю. Какой такой надкорпоративный орган нужен был «Роснефти», чтобы сложить два и два и начать строить НПЗ?

Г.: Это же просто. «Роснефть» заполнялась чиновниками (и совет директоров, в правление) по тем же принципам, что компании с неоднородным составом акционеров. И чиновники, попавшие в совет директоров, не имели никаких стратегических задач. Голосовали они по указаниям Госкомимущества, потом Росимущества, то есть органов, не имевших никаких экономических функций. Поэтому они никогда не получали и не могли получить указаний голосовать за какой-либо инвестиционный проект, подготовленный в соответствии с макроэкономической политикой правительства. Функция коммуникации между решениями правительства и конкретными хозяйствующими единицами *до сих пор отсутствует*. Эту функцию и возьмет на себя новый госплан.

Я понимаю, что это слово вызовет бурю критики, в основном неконструктивной. Но вот посмотрите, как это работает и нынешних условиях. Возьмите «Совкомфлот». Он создан еще в начале семидесятых. В конце восьмидесятых получил на баланс около восьмидесяти судов. Все девяностые выполнял программу строительства новых судов, уникальных для России. За последнее время так же, как и «Газпром», вобрал и себя ряд частных компаний. Сегодня это крупнейшее предприятие отрасли с флотом оптимального возраста работает очень эффективно. Это пример того, как будут работать государственные активы в создаваемой нами системе управления.

Мы видим три стадии в этом процессе. Первая, которую я не стану оценивать, закончилась «делом ЮКОСа». Третья — это правильный баланс между государственными и рыночными активами в экономике России, при этом управление госактивами будет по-совкомфлотовски эффективно. Вторую, переходную, стадию мы переживаем сейчас. Пока мы вовлекаем

в сферу действия будущего госплана необходимые акты параллельно осваивая правильные методы управления и Элементы новой конструкции для государственных корпораций уже строятся и уже есть. Это и инвестиционный фонд средства которого направляются на национальные проекты и совет по реализации национальных проектов. Их нужно рассматривать не как готовые институты для работы с консолидированными активами, а как некие зародыши — платформы, на которых оттачивается использование госплановых технологий в рыночных условиях.

В.: Мне не кажется очевидным, что для управления компаниями такого размера, как «Газпром» или «Роснефть», необходимы какие-то надкорпоративные структуры.

Г.: Но принадлежащие государству компании должны действовать слаженно. Представьте себе, что все наши нефтяные компании одновременно примутся строить по три НПЗ! И согласование нужно не только в рамках одной отрасли. Скажем, стратегии развития государственных нефтяных компаний и компаний машиностроительных (того же АвтоВАЗа) или РАО ЕЭС и металлургии координировать нужно. В той или иной степени.

В.: Ну уж если так, тогда все надо сопрягать со всем. Тогда национализируйте все и восстанавливайте Госплан в полном варианте.

Г.: Нам не нужно это делать в том масштабе, на который существовал Госплан. Строго очертив круг задач для этой кооперации, мы справимся с ней меньшими силами — и лучше.

В.: Понятно. Но из ваших слов, мне кажется, следует, что намерены национализировать все базовые отрасли. Так ли?

Г.: Государство должно присутствовать в этих отраслях в мере, которая позволит решать общенациональные задачи и делать проекты национального масштаба. Я не могу себе

называть цифр. Я знаю, что стопроцентной национализации не будет: она не требуется. С другой стороны, национализации одного процента в этих секторах тоже, очевидно, недостаточно. Решение должно быть где-то между одним процентом — и ста.

В.: Так вот, значит, как просто вы решите знаменитую проблему залоговых аукционов?

Г.: Ну конечно.

В.: Позвольте все-таки спросить. Концерн Круппа, владевший львиной долей металлургии и машиностроения Германии между двумя войнами, играл колоссальную роль в «проектах» гитлеровского руководства. При этом ни одного процента собственности государство не запросило.

Г.: Оставляя в стороне человеконенавистническую сущность нацистского режима, подчеркну принципиальную разницу технологий. Мы не строим ни англосаксонской, ни континентальной модели. У нас своя, чиновная экономика — и мы исходим из своих реалий. Крупп свою империю построил на свои деньги. Ядром наших нынешних империй стало имущество, переданное в управление при приватизации. Поэтому принципы, применимые там, неприменимы здесь.

В.: «Как ни болела, а умерла» — как ни создавалась металлургическая компания, а вот она есть. Почему с ней нельзя сотрудничать, не залезая в собственность? Почему для сопряжения усилий крупных компаний в проекте национального масштаба государству так необходимо влезть в каждую «меньше чем на сто, но больше чем на один процент»?

Г.: Да и там, в Германии, нужно было влезать, но было нельзя, поскольку это противоречило институту частной собственности. А у нас такого противоречия нет.

В.: Вы полагаете, что правительству Третьего рейха что-то было «нельзя»?

Г.: Видимо, было. Они даже не стали менять топов, просто построили их в шеренгу... Да ведь и времени у них было больше, чем у нас. Может быть, и они так же сделали бы в конце концов, как мы делаем.

Скелет государства

В.: Итак, каковы принципиальные отличия нашей модели экономики? Как она хоть называется?

Г.: Вы называете этот капитализм чиновным. Я не согласен с таким термином, но для удобства разговора готов его принять. Его отличия стали следствием наших специфических обстоятельств. Главное из отличий мы подробно обсудили в предыдущих беседах — принципиальная нелегитимность собственности в крупных корпорациях. Их формальные владельцы вовсе не собственники — активы переданы им в управление. Есть и другие, также достаточно банальные причины отличия нашей экономической системы от прочих: огромная территория, необходимость централизации власти и гораздо большего, чем в европейских государствах, участия государства в общественной жизни.

В.: Последнее — аксиома?

Г.: По-моему, да. Мы пробовали жить иначе, и ни к чему хорошему это не привело — вспомните дикий феодализм второй половины девяностых. Страна рассыпалась.

И наконец, модель, которую мы строим, обоснована исторически. Скелетная часть нашего общества, чиновная пирамида, полностью соответствующая этой идеологии, выстроена и отточена. Ей скоро будет два века, и она доказала свою эффективность хотя бы живучестью: она пережила две смены общественно-политических формаций. Она при очень разных устройствах общества продолжала способствовать укреплению государства. Да, дважды она проявила недостаточную гибкость при изменении внешних условий. Но

Поскольку эта скелетная часть проходит через кризисы, она обновляется и приспособляется к новым условиям.

И.: Популярнее обратная трактовка истории этой самой скелетной части. Да, она сложилась два, если не три века назад. Она катастрофически неэффективна и большую часть времени сковывала развитие страны. Талантливость народов России такова, что страна все-таки ухитрялась развиваться; но в некоторых случаях, при особо неблагоприятных обстоятельствах, даже талантливость народа не спасала систему — и она рушилась.

Г.: Выбор между двумя этими трактовками — вопрос веры. В вашу я верить не могу, она неправдоподобна. Другого примера столь длительного существования неэффективной управляющей системы, благополучно проходящей и через кризисы, и через смены общественных формаций только за счет некой талантливости отдельных личностей или масс в целом, вы ведь не приведете.

В.: С лету не назову.

Г.: И у нас не так. Если система проходит кризисы, это прямо доказывает ее эффективность.

В.: В результате первого из этих двух кризисов страна потеряла десятки миллионов жизней, в результате второго — треть территории и половину населения. Не скажешь, что мы прошли их так уж легко.

Г.: *Вы* — нет. Вы должны понять: я говорю о системе, о скелетной части государства, а не о мясе. У мяса повысилась температура, его трясло, ему было плохо — все так. Но скелет выстоял, и организм выжил.

Большие проекты

В.: Одна из главных проблем, стоящих перед страной, — это проблема крупных проектов. Настоящих национальных

проектов, а не раскручиваемых ныне учебных полигончиков. Они нужны не только экономически, но и политически, и морально — и как угодно. Поэтому очень интересно, как сложится втягивание крупных акторов под государственную руку на перспективе масштабных начинаний. Здесь возникают три вопроса. Первый: можно ли ждать от госсектора больших проектов до того неопределенного времени, как выстроите и отладите ваш «госплан»? Второй: правильно ли понял, что в тех секторах экономики, которые вы не будете — или еще не успели — втягивать в госсобственность, больших проектов ждать не надо? Скажем, в данный момент мы еще не начали национализировать металлургию и неизведано, когда начнете. Значит ли это, что крупных проектов в алмазодобывающей, например, отрасли в ближайшие годы не будет? И наконец, третий вопрос. Мы постоянно слышали и до сих пор слышим (хотя уже не так часто) от премьера и многих министров разговоры о государственно-частном партнерстве (ГЧП) — в том числе в больших проектах. Идея хорошая, но в ходе нашей с вами беседы я начал подозревать, что зря раньше то были разговоры, что никаких больших проектов совместно с частниками вы делать не будете. Правильно ли я понял?

Г.: Да. Это прямое следствие того, что мы с вами обсуждали, — природы крупных российских корпораций. У нас нет крупной частной собственности, она по сути государственная. Масштабное же сотрудничество государственной и ивращенно-государственной собственности смысла не имеет. Партнерство есть, по определению, поиск компромисса, согласование интересов. С кем государство будет согласовывать интересы, с собственным временным управляющим?

В.: Значит, ГЧП вообще невозможно?

Г.: В наших условиях — нет.

В.: Зачем же большие начальники два года подряд о нем говорили?

Г.: Да, говорили — потому что еще не было того стратегического решения, к которому мы пришли сегодня.

В.: Позвольте, но ГЧП вошло в моду и стало любимым приложением господина Фрадкова, когда уже вовсю шло «дело ЮКОСа»!

Г.: Вы хотите в каждый момент видеть полную определенность государственной политики, а это невозможно. Политика складывается и не может быть каждую секунду тождественной во всех государственных головах. Вот мы приняли принципиальное решение: убирать противоречия между формальным и реальным собственником, являющиеся базой для саркомы, разъедающей экономику. И с этого момента любое ГЧП становится вредным. Потому что фиксация таких активов в качестве частной собственности — тем более в крупных проектах — означает невозможность решать главную задачу. Ну представьте себе: вы вступаете с партнером в масштабный проект, а потом вдруг его съедаете. Как это будет выглядеть?

В.: Отвечая на третий из моих вопросов, вы, по существу, ответили и на второй. Самостоятельных крупных проектов «псевдочастному» бизнесу вы не позволите.

Г.: Нет, это не так. Запретов нет и не будет.

В.: Так о запретах никто и не говорит. Вы знаете лучше меня, что в нашей стране без одобрения некой структуры вообще ничего не делается. И эта структура, насколько я вас понял, *не советует* крупняку начинать самостоятельные проекты.

Г.: Нет, вы неправильно понимаете. Конечно, они могут за счет собственных ресурсов делать любые проекты, не предназначенные для увода активов. Если мы в будущем соберемся национализировать фирму N, что будет плохого, если она будет усилена инвестициями наемных менеджеров в новые проекты?

В.: Логично, но противоречит наблюдаемой реальности. Возьмем, например, «Сургутнефтегаз». Рынок со счета сбился, сколько у Богданова накоплено миллиардов, — что же он никаких не вкладывает? Простите, но очень похоже, что это не благословяете.

Г.: Богданов не вкладывает, а Алекперов вкладывает — я знаю почему. Может быть, у Богданова свое стратегическое видение, свои планы. Я не готов комментировать частные случаи. Говоря же вообще, крупных проектов в негосударственном секторе нет по двум причинам. Во-первых, далеко не все частники хотят их делать — в том числе и потому, что осознают временность распоряжения активами. Во-вторых, вспомните начало нашего разговора. Деньги на счете — на белом счете — коррупции не порождают, а увеличивая промышленные активы, игрок увеличивает относящийся конкретно к нему объем беловоротничковой коррупции.

Переходя же к первому из ваших вопросов, укажу вам конкретный пример: Северо-Европейский газопровод. «Газпром», контролируемая государством компания, начал этот крупнейший проект, не дожидаясь отладки механизмов межотраслевого госуправления.

В.: А других крупных проектов не будет? Извините за назойливые повторы, но читатель же не видит выражения вашего лица.

Г.: Нет, не могу согласиться, что не будет. Будет. Со временем. Восточный нефтепровод. Да, там есть политические сложности, но выстраивание проекта уже идет.

В.: Вторая, наряду с большими проектами, важнейшая проблема нашей экономики — инновационный процесс. По многим признакам наши крупные корпорации наконец созрели до предъявления масштабного спроса на инновации. Теперь вы их «огосударстите», а значит, этого спроса опять не станет — и, возможно, не станет уже навсегда. Как мы с вами,

люди из СССР, прекрасно помним, госэкономика с инновациями несовместима: как тот, настоящий, Госплан ни исхищрялся *планировать научно-технический прогресс*, советские заводы бодро отчитывались по всем показателям — и продолжали выпускать сноповязалки весом в крейсер.

Г.: Вы преувеличиваете. В СССР инновации были, но они были сконцентрированы в так называемом ВПК (военно-промышленном комплексе). И мы сделаем все для того, чтобы ВПК остался инновационным центром, но уже в рыночных условиях. Для инновационного процесса нужны мозги и заказы. О мозгах мы стали заботиться вот уже пять лет как, а заказы обеспечит новый госплан. Не говоря уже о том, что мощный государственный сектор позволит возобновить серьезную поддержку фундаментальной науки, рынку, вообще говоря, не нужной.

Элита и стратегия

В.: Нарисованная вами картина невольно вызывает аналогию с «китайским путем». Экономика тоже разделяется на две, в одной из которых — госсобственность и госуправление, а другая гуляет сама по себе. Я хотел бы указать всего лишь на одно из множества отличий нашей ситуации от китайской. У китайского руководства за плечами многовековой опыт стратегического планирования — в частности, успешный опыт последних десятилетий. У вас такого опыта за плечами нет. И китайская-то система не факт что будет долго пахать на таких оборотах, а то, что вы предлагаете, — с нашими-то правительственными стратегами — обречено в лучшем случае на застой брежневского типа.

Г.: Замечу, что про Китай заговорил не я, а вы. Очевидна невозможность существования одинаковых экономических систем в двух больших странах — тем более в столь разных, как Россия и Китай. Но я должен прокомментировать ваше утверждение. Неловко говорить, но вы как-то очень легко

обвинили всю элиту России в неспособности к стратегическому мышлению. Тут вы неправы, как будет неправой любой, кто скажет подобное про любую на свете страну, обвинив элиту любой страны в отсутствии стратегического мышления — просто потому, что у нее нет какой-то там особой истории.

В любой стране, в любой нации есть люди, обладающие стратегическим мышлением. Если элита общества надежно удерживает свой статус (то есть власть в стране) достаточно продолжительное время, то можно заключить, что именно к элите принадлежит бóльшая часть стратегически мыслящих людей. Если бы в элите таких людей не было, а носители стратегических дарований оставались бы вне элиты, то было бы странно, почему они до сих пор ею не стали.

В.: Кажется, вы выдаете желаемое за действительное, говоря, что нынешняя элита надежно удерживает власть в стране. Будет ли это так, мы не наблюдали бы такой всероссийской судороги по поводу приближающихся выборов 2007 и 2008 годов? И потом, удержание власти в течение нескольких лет — это все-таки не стратегия, а тактика. Что до людей, то люди, конечно, есть: о талантливости населяющих Россию народов мы сегодня уже вспоминали. Но судя по тому, что ни одной даже среднесрочной программы правительством не разработано и не выполнено, мы ухитрились как-то так устроить систему социальных лифтов, систему подбора кадров, систему пополнения элиты, что эти люди почему-то на верха не попадают.

Г.: Значит, вы утверждаете, что не способные к стратегическому мышлению люди смогли построить социальную конструкцию, которая позволяет им, недальновидным, закрыть вход в их среду истинным стратегам? Это какое-то «Горе от ума». Не согласен.

В.: Хорошо. Допустим, удержание власти — само по себе уже не тактика, а стратегия. Но хоть еще одну стратегическую разработку вы назовете?

Г.: Да мы же с вами уже битый час говорим о трех стадиях развития российской государственности, из которых пройдена только первая.

В.: Говорим. Только этой стратегии никто официально не заявлял, а потому никто не может оценить, в какой степени последовательно и успешно она реализуется.

Г.: Теперь вы сможете это оценивать — как и ваши читатели.

В.: Спасибо.

Г.: И вот еще что. Не могу пройти мимо вашего замечания про судороги в связи с 2007–2008 годами. Мне странно: мы с вами довольно давно знакомы — вы видели у меня эти судороги? Нет. Я знаю достаточно много людей, входящих в элиту, которых никакие судороги не корчат. Да, есть люди, включенные в элиту, но не понимающие стратегического движения, этой элитой принятого. Наверное, кто-то из них себя переоценивает. Вот они и проявляют обеспокоенность — личную. Но это проблема этих людей, а не элиты в целом и не страны.

В.: Еще раз — спасибо.

Глоссарий российской коррупции

Взяткоемкость операции — доля (в процентах) от стоимости активов или объема финансового потока, участвующих в связанной совокупности правовых действий, присваиваемая чиновником при вынужденном согласии собственника активов (оператора потоков).

Взяткоемкость нормы (закона, совокупности норм из разных законов) — суммарный объем активов (в рублях), который может быть присвоен бюрократией при совершении действий, основанных на этой норме, за единицу времени.

Эта взяткоемкость потенциальная. Реализация потенциальной взяткоемкости нормы различается по месту (например, из-за разных квалификаций и целевых установок региональных элит) и во времени (из-за постепенного улучшения

отлаженности работы бюрократической системы и обмена передовым чиновным опытом).

Оценка взяткостойкости — экспертная оценка операции (нормы, закона и т. д.), основанная как на устоявшихся предпринимательских схемах и обычаях делового оборота, так и на прогнозных схемах (построенных, например, на законопроектах).

Пещерная коррупция — коррупция, основанная, как правило, на одной норме и не приводящая к захвату чужого имущества.

Пример: милицейский чиновник, торгующий на дороге применением одной нормы КоАП и не претендующий при этом на автомобиль правонарушителя.

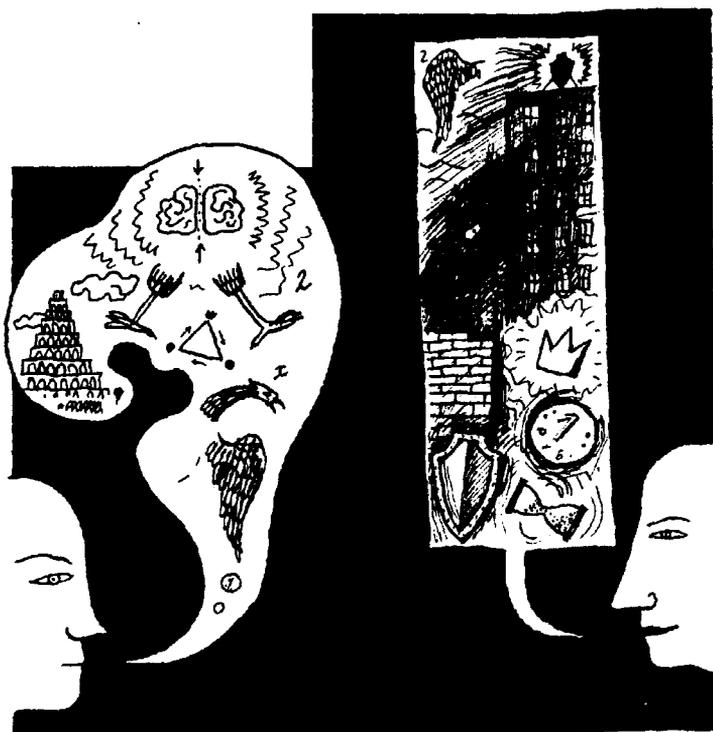
Беловоротничковая коррупция — коррупция, основанная на совокупности норм и направленная либо на перехват управления чужими финансовыми потоками, а также завладение чужой собственностью или ее частью, либо на клонирование чужого бизнеса как собственного чиновного с последующим вытеснением исходного и независимого.

Примеры: рыбные квоты; создание чиновных бизнесов в жилищном и транспортном строительстве.

Апология безопасности

Сентябрь 2006

В рамках правящей элиты сформировались два легко различимых слоя — в сущности, это протопартии. Именно между ними и будут выбирать российские граждане в кампании 2007–2008 годов.

Наверху начались шевеления, которых еще совсем недавно никто из широкой публики не ожидал. Например — появление «второй ноги» у власти, то есть президентское благословение на попытку создания второй, пусть не равной, но сопоставимой с «Единой Россией» партии, имеющей выход на самый верх. Например — серия отставок не первых, но достаточно заметных лиц в силовых и правоохранительных органах. И заметим: такие новости отчетливо воспринимаются как прелюдия к новостям еще более масштабным. Кампания

больших выборов 2007–2008 годов начинается гораздо скорее, чем предполагали как хвалители, так и хулители путинской стабильности.

Мы попробовали представить себе, как открывающаяся перспектива видится изнутри власти. Для этого мы вновь применили правила нашего **Вопрошателя** к нашему **Государственнику**. Не раз уже объяснявшему нам стратегию идущего на наших глазах государственного строительства (см. разд. «Апология государственности», «Апология собственности» и «Апология чиновного капитализма»). Как и прежде, мы не можем гарантировать, что наш собеседник точно излагает позицию Кремля, — мы лишь стараемся его устами дать связное и внутренне непротиворечивое толкование наблюдаемых событий.

Политик у нас — всегда силовик

Вопрошатель: В прошлый раз мы закончили беседу на весьма благостной картине: элита надежно удерживает власть в стране, в большинстве своем нисколько не опасаясь предстоящей череды федеральных выборов, поскольку имеет достаточно внятную стратегию. Однако с каждым проходящим месяцем все более заметно, что многие весьма заметные представители элиты не очень-то спокойны. Значит ли это, что стратегия не так уж осознана — или не так уж консенсусна?

Государственник: Не осознана? Ну, нет. То, что стратегия о которой мы с вами говорили, осознана элитой, доказывается тем, что общественная жизнь движется именно по этой стратегии. Наблюдаемые вами явления скорее можно толковать как наличие в правящей элите двух стратегий.

В.: Какова же вторая — и кто ее носитель?

Г.: За последние десять-пятнадцать лет сложилось разделение элиты на два крыла. Назывались они по-разному. Сейчас принято говорить о «питерских силовиках» и «питерских юристах»; названия эти — как и бытовавшие прежде, вроде

«семьи», — не вполне точны, точнее было бы говорить об операторах и силовиках. Я, как вы понимаете, в этой дихотомии к силовикам не принадлежу, а потому рассказывал вам о стратегии другой части элиты. У силовой части есть своя стратегия и свои тактические приемы ее реализации. Подчеркну, что обе стратегические линии в прошлом и в ближайшем будущем достаточно близки, поэтому неразрешимых противоречий между двумя частями элиты до настоящего времени нет. Но некоторые различия есть.

В.: Если то, что вы рассказывали раньше, не есть точка зрения силовиков, то я уж и не знаю, не едят ли они детей. Вы же говорили, что нет света в окошке, кроме здания на Лубянке, что российская государственность не может развиваться иначе, чем под прямым контролем людей с Лубянки, что гражданское общество, которого все ждут, как дети Деда Мороза на елку, будет возникать только в результате работы людей с Лубянки... И вот это все — еще не силовая позиция?

Г.: Я же говорю, принципиальных различий не много. Все, что вы перечислили, кроме последнего пункта, совпадает с позицией силовиков. Потому что, на самом-то деле, силовики — и те и другие. Политику в России определяют силовики.

В.: Значит ли это, что профессия силовика — она и есть профессия политика?

Г.: Да. В России это так, и в этом ее отличие от большинства стран. Это ее особенность — ее, если хотите, конкурентное преимущество.

В.: О как! Когда же мы приобрели такое преимущество?

Г.: В конце первой трети прошлого века.

В.: А все разговоры о коммунистической партии как руководящей и направляющей силе — это так, для непосвященных?

Г.: Нет, КПСС и была таковой. Но уже с конца двадцатых годов Чрезвычайная комиссия стремилась перехватить власть в другом деле, что это удалось только после краха тоталитарного государства. Поймите: у всякой спецслужбы возникают такие соблазны. База компрометирующих материалов жужуки, подталкивая к попыткам поманипулировать лицами, попавшими в эту базу, в том числе и политиками; так и реализуется политическая функция спецслужбы. Просто в других странах она ограничена теми или иными способами, а у нас нет. Обществу в какой-то момент — в конце восьмидесятых в начале девяностых — стало выгодно, чтобы политическая функция полностью реализовывалась спецслужбой. Никто же не скажет, что чекисты скинули коммунистов. Но коммунисты перестали выполнять свою функцию — и она должна была перейти либо к совершенно случайным людям, либо в уже сформировавшуюся структуру, являвшуюся носителем в том числе и государственной морали. И когда обществу стало понятно, куда ведут случайные люди, власть и перешла полностью к нашей системе.

В.: С избранием второго президента?

Г.: Избрание произошло в результате этого перехода.

Три функции и бассейн

В.: Не могли бы вы подробнее рассказать, какие именно расхождения имеются у двух групп элиты по части гражданского общества?

Г.: Позиция одной части элиты была мной изложена. Мы считаем, что гражданское общество в России складывается с нашей помощью — начиная с партийного строительства. Оно базируется на стабильности политического законодательства, устанавливающего барьеры для появления во власти случайных людей и направленного на установление понятной и устойчивой партийной структуры. Позиция другой

части элиты заключается, насколько я понимаю, в том, чтобы текущее конкурентное преимущество России, сосредоточение вместе трех функций (политической, экономической, безопасности), сделать постоянным. Понятно, что в этом случае гражданское общество построено не будет.

В.: В этом случае много чего построено не будет. Например, современной хозяйственной жизни: она базируется на институте собственности, который с таким устройством страны плохо уживается.

Г.: Я не буду защищать чужую позицию.

В.: Ваша же позиция в том, что нынешняя верхушка, держащая в руках все виды вожжей, будет с ними постепенно сама расставаться?

Г.: Да, именно это предполагается, и не надо думать, что мы не способны постепенно передать экономическую и политическую функции гражданскому обществу по мере его построения. Согласитесь, сегодня некому передать их сразу.

В.: Но вы же всегда будете говорить, что структуры гражданского общества еще не созрели. И в известном смысле будете правы. Нельзя научиться прыгать в воду, если в бассейне нет воды. Никогда не появится серьезных и дееспособных политических партий, если партии не имеют отношения к реальной власти. Никогда не будет ответственной и внушающей надежду на будущее деловой элиты, если держать бизнес под прямым давлением. Никто никогда не будет готов взять властные функции, если никаких властных функций у него нет. Если вы всерьез хотите, чтобы гражданское общество возникло, какие-то полномочия надо давать сейчас.

Г.: Тенденции, складывающиеся в обществе в переходном периоде, нельзя экстраполировать на последующее устойчивое развитие. Сейчас в стране переходный период. Одна часть

элиты осуществляет политическую функцию, другая — функцию безопасности (мы говорим прежде всего о внутренней безопасности), экономическую же функцию они делят между собой.

В.: Со стороны это похоже на борьбу за контроль над финансовыми потоками.

Г.: Отчасти так оно и есть. И в этой борьбе силовики пытаются присвоить часть политических функций, чтобы таким образом усилить свои позиции в экономике.

В.: И они, в отличие от вас, расположены к перманентному переделу собственности?

Г.: Нет, и силовики не хотят перманентного передела собственности. Но они хотят получить собственность в свое управление, потому что считают, что передавать ее в управление наемным менеджерам нельзя, неправильно.

В.: Значит, наемному управленцу бывшего олигархического типа нельзя, а наемному служащему конторы можно — какая разница?

Г.: Это легко объяснить. Если себя неправильно поведет наемный олигарх, то его усмирение приведет к серьезному ущербу для имиджа России, например, в мире. Усмирение же наемного госслужащего никакого ущерба России точно не нанесет.

В.: Вы сейчас так легко встали на позицию другого крыла — что я не понимаю, о чем вы спорите.

Г.: Вы сами только что говорили, что я не налил еще воды, а людей прыгать заставляю. Так вот, поведение крупной собственности, обладающей частным титулом собственности, — это прыганье с вышки в уже налитый бассейн, а вот перевод активов под управление госслужащего как раз и означает, что в бассейне воды не будет. Вспомните, что мы говорили

в беседе о собственности. Что крупная собственность должна управляться наемными олигархами, но вести себя по-рыночному, с соблюдением условий игры, заданных государством. Это дает условия для роста мелкого и среднего бизнеса. Потому что частный титул собственности хорош еще и тем, что в него регулирование включаются и другие институты (например, антимонопольные ведомства). А это позволяет соседним более мелким предприятиям вести себя по-рыночному и создавать добавочную стоимость вне крупных компаний — это и есть развитие. И разница между нашими позициями прямо вытекает из разного представления о цели: строить гражданское общество или не строить гражданское общество, что проецируется и на отношения собственности.

Последние выборы в прежних правилах

В.: На мой взгляд, возможны два варианта трактовки происходящего — в той части, которую вы называете политической и экономической функциями. Элитная группировка, получившая контроль над каким-то государственным активом, втихую использует часть финансового результата этого актива в связи с выборами, а все остальное время ведет работу с этим активом исключительно в рамках законности, не трогая ни одной копейки, — это один вариант. Второй вариант — элитная группировка, контролирующая актив, пользуется его финансовыми потоками в своих интересах, а в избирательную страду платит из того же источника за сохранение или упрочение своего влияния. В какой из этих вариантов вы нам предлагаете верить?

Г.: Есть третий вариант, и я хочу, чтобы вы поверили как раз в него. Это вариант динамический. Сегодня, напоминаю вам, переходный этап развития российской государственности. Я убежден, что функция внутренней безопасности в рамках гражданского общества, которое мы строим, ни в коем случае не должна сочетаться с двумя другими функциями. Сегодня сочетается. Значит, нужно перейти через ближайшие

выборы, имея в виду, что это последние выборы, в которых меню ограничено вашими двумя вариантами. Понимаете, да? Тот ответ, который я сейчас дам, не распространяется на последующие выборы.

Итак, все должны понимать, что в этих выборах функция безопасности, а точнее говоря, база компрометирующих материалов, использоваться будет. Будут попытки использовать ее для политического давления — и на федеральном, и на региональном уровне. Они прекратятся только после жесткого законодательного и технологического запрета. На этих выборах мы должны сделать так, чтобы эта функция не была поддержана деньгами. То есть экономическую функцию слепиков мы должны к выборам 2007–2008 годов резко уменьшить. Это нужно сделать для того, чтобы сохранить за собой на следующий цикл политическую функцию, в рамках которой разделение функций будет завершено.

В.: Традиционный для наших бесед вопрос: а почему это разделение будет якобы завершено в следующей инвеституре? Почему не сейчас?

Г.: Потому что для того, чтобы провести соответствующие законодательные и особенно технологические реформы, структура реформатора должна быть очень сильной. Приведу пример. Если сегодня поставить вопрос о люстрации кандидатов при замещении должностей прокуроров и судей (пяти-семи-десятилетний запрет на замещение этих должностей бывшими штатными сотрудниками службы безопасности и, возможно, полный запрет для секретных сотрудников), то эта реформа вряд ли будет поддержана обществом поскольку сейчас в общественном сознании нет понимания этой проблемы. Понимание есть пока только в профессиональной среде. Мы полагаем, что успешное прохождение 2007–2008 годов даст время, за которое общественное сознание в России будет подготовлено и поддержит эти реформы.

В.: Вы говорите так, как будто люстрация автоматически пресечет нештатное использование базы компрометирующих материалов. Но использовать базу КМ можно прямо с Лубянки, не пересаживаясь первоначально в другое кресло.

Г.: В отношении судей и прокуроров люстрация решает не проблему базы КМ, а проблему простого приказа. Базу в этом случае станет труднее использовать, поскольку твой начальник не будет обладать доступом к ней. Сегодня судье или прокурору, если он в базе КМ, просто прийти поплакаться не к кому. А если люстрация произошла и его начинают дергать каким-то образом, ему есть куда прийти, сказать, что, мол, вот, в нарушение закона давят на меня — либо увольняйте, либо защитите. Ну да, что-то я там сделал, хорошо, решайте. Сейчас этой возможности нет. Так что использование базы КМ после люстрации будет затруднено, особенно если на подобное ее использование будет наложен законодательный запрет.

В.: Да наложить запрет можно хоть завтра.

Г.: Завтра это не будет эффективно: некому будет жаловаться на его нарушение. Самое главное — это убрать прямую зависимость судейских и прокурорских начальников от службы безопасности, от силовиков.

Голос из динамика

В.: Вы меня уже убедили в том, что ни мне, ни представляемым мною читателям совершенно не светит каким-то образом поучаствовать в ходе событий, но хоть следить за ними мы можем. Как нам судить о том, кто одерживает верх, — на выборах?

Г.: Лакмусовых бумажек-то много. Вы оглянитесь вокруг. В тот момент, когда перехватывались потоки и переходила собственность от операторов к силовикам, в тот момент был верх очевидно чей — силовой: «Совкомфлот», «Роснефть».

Кадровые перестановки во властных силовых органах, любые кадровые перестановки безусловно демонстрируют сегодня верх, текущий верх. Ну и выборы тоже будут демонстрировать...

К 2008 году, ну и к 2007-му, конечно, более сильная позиция будет у нас — ровно потому, что политическая функция сегодня контролируется операторами. Она позволит своевременно сделать кадровые перестановки в тех компаниях, которые сегодня составляют экономическую основу, финансовую основу группировки силовиков, — да, наверное, и не только в компаниях. Это уже происходит и будет происходить — в нужное время. Вы знаете, кто принадлежит к какой из этих группировок, называемых питерскими юристами и питерскими силовиками, все это достаточно известно, и не заставляйте меня называть фамилии. Еще раз повторю: названия неправильные, они мифологизируют отношения и историю возникновения каждой из этих частей элит. Но независимо от этого собственно фамилии правильно разделены по двум этим корпусам.

В.: Ваши полуоппоненты видят перспективу так же?

Г.: А это пусть они сами вам скажут. Одну минуту. *(Снимает телефонную трубку, обменивается с кем-то несколькими фразами, а затем включает на телефоне динамик.)* Вот мой коллега, силовик.

Силовик: В 2007 году мы получим в Госдуме решающее большинство. Поскольку нам хорошо известен образ жизни всей сегодняшней правящей элиты и они знают, что нам все хорошо известно, постольку любой выборный коллегиальный орган, который будет представлен согласованными, в том числе и с нами, кандидатами, неизбежно будет поддерживать нашу стратегическую линию. Про 2008 год я не могу ответить так же определенно. Все-таки есть в элите люди, которые, как сегодняшний президент, избежали по каким-то при-

чинам того, что компрометирующие материалы на них содержатся в нашей базе. И не исключено, что подобное возможно и для кандидата от оппонентов в 2008 году.

В.: Как противоречия крыльев элиты будут сказываться на экономике?

Г.: С моей точки зрения, наличие крупной собственности с титулом частного собственника является символом и, безусловно, стимулирует средний и мелкий бизнес к развитию. Мы (по разным причинам, в первую очередь по кадровой) не ставим себе целью построить в шеренги средний и мелкий бизнес. Безусловно, эти категории бизнеса должны иметь свободу для реализации своих идей. Именно эти два бизнеса будут стратегическим локомотивом увеличения, например, валового продукта.

С.: Не могу с этим согласиться. Последние несколько лет доказали, что эффективность российской экономики повышается при увеличении ее зависимости от государства, а точнее, при соединении возможностей государства и возможностей крупного хозяйствующего субъекта. От взаимодействия государства и «Газпрома» выигрывают и «Газпром», и государство. Средняя и мелкая промышленность будет и впредь занимать второстепенные ниши. Она неизбежно будет встраиваться в вектор национальной экономической политики и не будучи непосредственно управляема. А конкурентоспособность хозяйства в целом зависит как от вертикальной управляемости национальных предприятий, так и от того, кто, собственно, ими управляет. Теоретически ими могут управлять люди, ставящие целью получение прибыли. Но в этом случае смещается баланс между интересами государства и этих предприятий, что неправильно. Ими должны управлять государственники, для которых важно как соблюдение национальных интересов, так и развитие самих предприятий, на которых и базируются, собственно, национальные экономические интересы России. У нас хорошие

интернациональные позиции в сырьевой экономике, и хороший фундамент для развития предприятий, занимающихся первой или второй переработкой сырья. Параллельное восстановление ВПК, безусловно, дает возможность для развития страны не только в сырьевом направлении.

У России есть особенность: сегодня в службе безопасности соединены все три ключевые государственные функции — политическая, экономическая и функция безопасности. Нигде, ни в каком государстве этого не было и нет. И именно при таком соединении наша страна показывает невероятные успехи последние шесть лет. Почему мы должны сами отрываться от этого инструмента еще до того, как он начал работать? Мы должны, наоборот, укрепить эту зависимость, потому что для России сейчас нет ничего важнее сохранения территориальной целостности и безусловного законного порядка.

В.: Вряд ли можно говорить о каких-то успехах российской экономики, не учитывая небывало благоприятной мировой конъюнктуры. Если завтра или послезавтра конъюнктура поменяется, вы будете готовы признать ошибки своей системы управления?

С.: А я буду делать все возможное, чтобы повлиять на эту конъюнктуру. И именно наша позиция повышения конкурентоспособности России в целом, в том числе на сырьевых рынках, и позволит, ну, может быть, не сохранить эту конъюнктуру — хотя почему и не сохранить. По крайней мере, мы будем работать именно на то, чтобы национальные интересы на всемирных экономических рынках, то, что вы называете конъюнктурой, были защищены. Тот факт, что при сохранении нашей политики нам удастся в меньшей мере пострадать от возможного ухудшения конъюнктуры, как раз и будет подтверждением эффективности нашего управления.

Разные ли сверчки на разных шестках?

В.: Вот слушал я сейчас вашего коллегу, и все томила меня одна мысль: убеждения у вас чрезвычайно близки, а выводы, к которым вы приходите, различаются. Не есть ли это простое следствие разности занимаемых сегодня позиций — служебных, статусных?

Г.: То есть связана ли наша стратегическая позиция со стулом...

В.: Если угодно, с шириной горизонта, открывающегося с разных стульев.

Г.: Отчасти, конечно, связана. Но вы должны понять, что между этими двумя группами элиты замена стульев делается непросто: нельзя оператора сделать опером, силовиком. Эти группы и исторически возникли в разное время: силовики в двадцатых годах, операторы — в начале семидесятых, когда впервые в службе безопасности был выделен экономический блок. Этот блок не касался экономических отношений внутри страны, а контролировал импортно-экспортные операции.

В.: Но вы же говорили, что в структуре каждой региональной конторы и раньше был экономический блок.

Г.: Там были контрольные функции, а непосредственная реализация экономической функции — это все-таки 1972–1973 годы, создание куста внешнеторговых объединений (ВТО). Вот выше упоминался «Совкомфлот» — это одно из таких объединений, дожившее до наших дней. Тот же «Рособоронэкспорт» — реинкарнация советского ВТО.

Так в начале семидесятых произошло первое профессиональное разделение людей, связанных с госбезопасностью. Безусловно, при относительно независимом развитии этих двух групп общее между ними: стиль мышления, мировоззрение —

было и остается. Главное — интересы государства, сегодня это интересы России. Еще раз повторю: оператор не может стать силовиком в силу разных причин (я надеюсь вы понимаете по крайней мере часть из них). Силовик безусловно, может стать оператором — новым, не встроившимся в существующую группу, а изменившим свое назначение в результате появления у силовиков экономической функции. Еще раз напоминаю: одна группа элиты исполняет политическую функцию, другая — функцию безопасности, и обе играют на поле третьей функции. И те опера, которые исполняют сегодня часть экономической функции, должны становиться, с моей точки зрения, да и становятся новыми операторами.

В.: Что приведет к соответствующему изменению во взглядах.

Г.: Я считаю — да. Это неизбежно.

С.: А мое мнение вам неинтересно?

В.: Прошу.

С.: Мне не нравится утверждение, что силовик, занимающийся экономикой, неизбежно становится оператором. Да, в начале семидесятых годов произошло разделение. У нас не было опыта, мы не представляли себе, с какими отношениями должны будут столкнуться наши сотрудники, которых направили на внешнеэкономическую деятельность. Мой коллега прав и в том, что управляющие этими финансовыми потоками приобрели некие самостоятельные интересы, самостоятельное видение будущего развития нашей страны. Но это их видение никак не согласовано с нашей организацией, со службой безопасности, в которую они, как мы до сих пор считаем, входят. И поэтому подобных ошибок мы повторять не собираемся. Никакими операторами, новыми, старыми или будущими, наши сегодняшние работники, занимающиеся экономикой, не станут.

Три функции — навсегда или на время?

В.: Если позволите, я переформулирую услышанное мною сегодня на более привычном мне языке, а вы оба потом скажете, правильно ли я понял.

Та самая многопартийность, о необходимости которой мы столько лет слышим из самых разных уст, в сущности, уже состоялась. Не как много-, а как двухпартийность. В рамках властвующей элиты более или менее сформировались два легко сепарируемых слоя, которые можно уже считать даже не прото-, а прямо партиями, и то, что они не обрели, а может быть, и не собираются обрести регистрации в Минюсте, сути не меняет. И населению свободной России предстоит выбирать из этих двух партий. Первая из них, которую представляет мой постоянный собеседник, могла бы быть условно названа консервативной, вторая, которую представляет мой сегодняшний собеседник из динамика, — радикальной.

С.: Не радикальной, а национальной.

В.: Пожалуйста. Имея более или менее сходные программные установки, они отличаются именно тем, в какой степени они сегодня находятся у кормушки. Те, кто уже прямо у нее, полагают, что ротацию лиц у кормушки в соответствии со штатным расписанием пора прекращать и переходить к более или менее общепринятым в остальном мире отношениям собственности и управления. Те же, кто еще только пробивается к желанным высотам, полагают, что ротацию в соответствии со звездами и лампасами следует продолжать. Вот, собственно, и все. Так ли это?

Г.: Не так. Все-таки мы считаем, что быть исключительной по внутреннему устройству, по соединению функций в рамках службы безопасности государства — это не есть будущее России, это Россия на переходный период. Мы надеемся, что динамика экономической и политической функций будет не в сторону консолидации их в рамках одной силовой части

элиты, а наоборот, в передаче этих функций гражданскому обществу — с той или иной скоростью. Мы не считаем, что надо сразу все передавать: такая попытка была в девяностые и ни к чему хорошему она не привела. Но передача этих функций должна быть. Я, к сожалению, не могу сказать, что она неизбежна, но она должна быть. И мы над этим как работали, так и обещаем... будем, будем продолжать эту работу. Конечно, у моего коллеги совершенно другое мнение.

С.: Да, другое. Политическая и экономическая функции я использую термины вашей беседы, должны быть, еще раз повторяю, соединены в одном кулаке. Это нужно не силовикам, не операторам и не президенту. Это нужно всей стране, потому что конкурентоспособность страны в глобальной игре при этом усиливается. Будет хорошо стране — будет хорошо и ее жителям. Поэтому мы считаем, что эти функции, остаток функции экономической и вся политическая функция, должны быть консолидированы — и консолидированы в 2007 и 2008 годах.

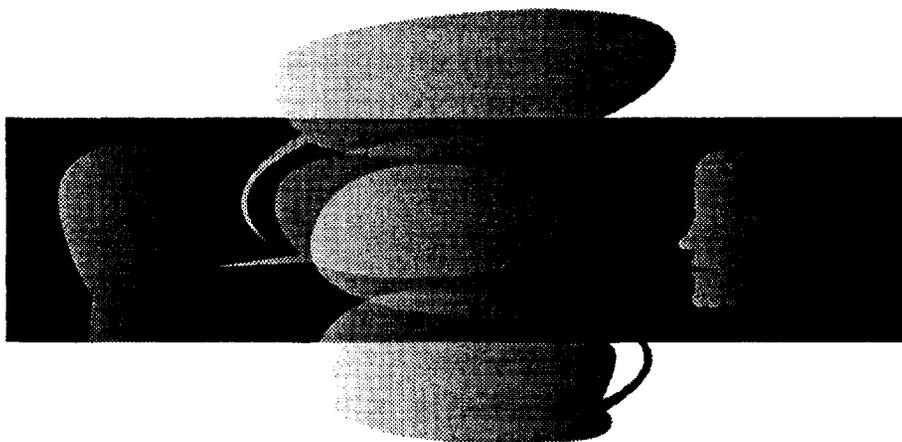
В.: Я бы считал, что мои предположения скорее подтверждены вами обоими, чем опровергнуты. В любом случае спасибо.

Г.: Да на здоровье. *(Выключает громкую связь.)*

Апология пустого места

Январь 2007

Идеология элиты всегда была неотъемлемой частью государственного устройства. Нынешняя российская власть не видит нужды в идеологии.

Власть в России не любит рассказывать о своей стратегии, а равно и объяснять публике совокупность своих текущих действий. Не любит — и не объясняет. Одним это обстоятельство скорее нравится, ибо оставляет простор для догадок (а почему рокировали Устинова, а почему не снимают Зурабова и пр.). Других оно скорее огорчает.

Два года назад мы нашли способ как-то прикрывать традиционную лакуну: придумали виртуального **Государственника**, который и принялся разъяснять виртуальному же **Вопрошателю** смысл происходящего в стране. В первой беседе (см. разд. «Апология государственности») наш Государственник обрисовал избранную властью стратегию государственного строительства. Во второй (см. разд. «Апология собственности») разъяснил особое отношение власти к крупнейшим активам. В третьей (см. разд. «Апология чиновного

капитализма») растолковал смысл нарастающего участия государства в экономике. В четвертой (см. разд. «Апология безопасности») — центральную роль сотрудников госбезопасности в настоящем и будущем России. Сейчас перед вами пятая и последняя беседа — об идеологических основаниях осуществляемой стратегии. Последней она будет, в частности, и потому, что у Государственника, хоть он и виртуальный, терпение тоже не безгранично.

Как и в предыдущих апологиях, мы не можем гарантировать, что речи Государственника правильно отражают точку зрения Кремля. Нас по-прежнему интересовали ровно две вещи: внутренняя непротиворечивость излагаемой им концепции и ее соответствие происходящим в стране событиям.

Галопом по спектру

Вопрошатель: Давайте поговорим о слове «преемственность», которое на глазах становится ключевым. Преемственность *чего* страна намерена обеспечить? Если просто сложившееся положение дел, то слово «преемственность» тут не вполне уместно, потому что существеннейшей частью нашего статус-кво является мировая конъюнктура, стабильность которой не в нашей власти. Что вы хотите стабилизировать и продлить?

Государственник: Прежде всего политику в области государственного строительства. Государственное строительство во многом исполнено со времени нашей первой беседы, но конечно, не завершено — оно не может быть завершено никогда. Безусловно, должна быть преемственность в отношении собственности. Отношение власти к крупной, средней и мелкой собственности должно оставаться таким же: крупная так и будет находиться под жестким, хотя и не обязательно прямым контролем государства; средняя и мелкая собственность должны становиться свободными субъектами рынка. Точно так же должно уменьшаться влияние чи

новников, то есть уменьшаться количество бюрократического капитализма в многоукладной российской экономике.

Что мы хотим сохранить? Мы хотим сохранить возникшие сейчас тенденции. Вы связываете их с конъюнктурой мирового рынка. Но мы прежде уже говорили о том, что наши действия внутри страны должны привести, да и приводят к консервации этой конъюнктуры, положительной для нас. Но здесь прогнозы во многом субъективны, поэтому, конечно, мы с вами не сойдемся в оценке результатов влияния нашей политики на конъюнктуру мирового рынка.

В.: В том, что вы сказали, есть милая деталь: должна сохраниться преемственность в отношениях собственности. И сказали вы об этом как о чем-то, что имеет специальный целеполагательный смысл.

Г.: Не понимаю — что тут такого?

В.: Если серьезно обсуждается вопрос о том, сохранятся ли при смене властной команды отношения собственности, значит, отношений собственности в стране просто нет. Но это я так, в сторону.

Г.: Подождите, мы ведь все-таки разговариваем откровенно. Мы прямо говорили о том, что современные правовые институты не отражают нашего отношения к различным видам собственности; что наше отношение к крупной собственности — это не более чем отношение к наемным менеджерам, которые получили в свое управление от государства то, что является государственным достоянием.

В.: И это различие между внутри понимаемым и написанным в законах, оно должно быть сохранено. Понимаю. Но все это не отвечает на мой вопрос. Я спросил у вас, какого рода организм мы хотим сохранить. Вы мне сказали, что организм по-прежнему будет питаться и совершать некий обмен веществ. Да, государственное строительство будет

продолжаться, потому что пока есть государственное строительство — есть государство, как только строительство прекращается, прекращается и существование государства. Это очевидно. Я вас, собственно, и спрашивал: преемственность в построении какого государства должна соблюдаться? Что строилось в последние годы и должно продолжаться строиться после передачи власти? Совсем грубо говоря: как это называется?

Г.: Да, я понял вас. Не считите за лесть, но из нас двоих скорее вы интеллеktуал, поэтому с вами вместе мне будет легче найти ответ. Как вы считаете, идеология нынешнего государства может быть названа правой, консервативной?

В.: Пожалуй, нет.

Г.: Почему?

В.: Ну, чтоб далеко не ходить... Правая, консервативная идеология отличается тем, что в сфере политической для нее нет ценности выше, чем отношения собственности. У вас же, скажем вежливо, незыблемость собственности никак не входит в число почитаемых икон. Уже по одному этому ваша идеология не правая и не консервативная.

Г.: Ну, тогда все-таки она правая по отношению к средней и мелкой собственности. Или вы считаете, что наше непризнание крупной собственности чем-либо, кроме государственного достояния, так фатально?

В.: В предлагаемом вами виде — да, считаю. Двойственность властного отношения к собственности не может удержаться в количественных рамках: начиная от таких-то активов так, потом — иначе. Власть состоит из множества людей, и эти многие люди считают себя тоже вправе рулить какими-нибудь активами в интересах то ли государства, то ли даже в собственных. Сами чиновники, когда им приходит охота пообщаться с журналистами, рассказывают, например, о том, какое

сугубое участие государственные, в том числе и правоохранительные, структуры принимают в рейдерских подвигах. Рассказывают о прямых наездах на собственность со стороны лиц, облеченных властью. Это неизбежное следствие двойственности вашей позиции: границы признаваемой и непризнаваемой собственности каждый из ваших подчиненных понимает по-своему.

Г.: Хорошо. Попробуем пойти дальше по спектру. Я не буду брать правый центр, потому что будет то же самое возражение. Идем дальше. Левый центр. Значит, вы не считаете, что ограничения, наложенные нами на крупную собственность, могут трактоваться как построение социально ориентированной экономики с неизбежными свойствами этой системы — известными, например, по послевоенной Западной Европе.

В.: Ну, почему же. Это больше похоже на правду. Ограничения на распоряжение крупными активами вполне могли бы счесться левоцентристскими, будь они прописаны в законе, только происходят-то они «по понятиям». Но дело даже не в этом. Дело в том, что некоторые левые элементы в вашей политике, в том числе и специфическое отношение к крупному бизнесу, сочетаются с не то что не левыми, а даже, я бы сказал, с социал-дарвинистскими элементами. Вы и накладываете разного рода ограничения на частную деятельность в каких-то сферах — и по-прежнему не берете на себя львиной доли социальной ответственности, которую государство несло в советское время. Пока государство было очевидно нищим, на него и суда не было, но таких оправданий давно нет. Если вы говорите о строительстве *социального* государства, то будьте добры подобрать — хотя бы начните подбирать — с земли все те обязательства социального толка, которые вы бросили на землю в начале 1990-х и продолжаете бросать до сих пор. А без этого — какой там левый центр.

Г.: То, что вы сейчас сказали, можно попытаться объяснить технологическими неровностями, временными недоработками.

В.: Едва ли. В практике — не в идеологических скрижалях государства, которых просто нет, а в повседневной практике — наряду с вполне левоцентристскими национальными проектами мы видим превалирующую в правительстве линию на либеральный подход к финансированию и обеспечению социальных услуг. Точнее, на псевдолиберальный, то есть прямо убийственный. Нет реально действующей пенсионной реформы, но разговоры идут такие, как будто она есть. Нет рыночной системы здравоохранения, но все разговоры ведутся так, как будто она есть. Это то самое, что называлось у древних «химера»: соединение лап и животов, хвостов и ушей от разных животных.

Г.: Подождите, это можно трактовать по-другому. Можно трактовать эту разноголосицу как разницу потенциальных энергий — собственно, как ту цель, к которой надо двигаться. Да, сегодня нет...

В.: Так к которой же цели надо двигаться? Если в сторону либеральной экономики, где созданы условия, чтобы большая часть населения заботилась о себе сама, а государство акцентированно заботится об остальных — это одна песня. Если к системе советского типа, в которой государство монополизирует попечение обо всех, — это песня другая. Но сегодня идут одновременно проекты обоих смыслов — и цель из их совокупности как-то не выявляется.

Г.: Итак, по-вашему, мы и не правые и не левые. Неужели и вы склонны считать, что у нас исподволь выстраивается государство национал-социалистического толка? Я был бы разочарован.

В.: Нет, не склонен. Про социалистический компонент я уже сказал. Что же до националистического компонента, то властные игры с ним путанны, внутренне противоречивы и не свидетельствуют — во всяком случае, пока — ни о чем, кроме страха перед ним и невысокой компетентности.

Г.: Пусть так. Значит, подходящего термина мы с вами так и не подобрали.

Молчаливая внутренняя партия

В.: Да если бы и подобрали — не в нем суть. Слева ли, справа ли, суверенно-демократично ли — *что именно* мы хотим стабилизировать? На столь позднем этапе истории человечества невозможно сочинить какую-то совершенно новую конструкцию. Да, в каждой конкретной ситуации есть масса своеобразных деталей, но какие-то базовые вещи, в общем, известные, не должны открываться заново. И если мы хотим стабильного развития, мы должны найти что-то в историческом опыте человечества, а лучше бы и самой России, что подтверждало бы нам: организм, который мы хотим развивать, на свете *бывает*.

Пока у нас ни один процесс, позволяющий выйти на фундамент некоего долгого строительства, на мой взгляд, не завершен. На рубеже 1980–1990-х годов что-то такое происходило в России, что потом называли по-разному. Это называли демократической революцией, это называли буржуазной революцией, это называли победой над тоталитаризмом. Но если это была буржуазная революция, она не доведена до конца: основой основ всякого буржуазного государства являются те самые права собственности, о которых мы уже столько раз говорили. Или произошла демократическая революция? Тоже не похоже. Не видно ничего, что можно было бы трактовать как основу структуры демократического общества. В стране немислимо велика дифференциация — имущественная, географическая, возрастная, какая угодно, единого организма пока не возникает. Понятно, что какие-то страсти складываются, но пока ни одна из этих страт не способна к саморазвитию, да просто не осознала себя. Что завершено? Что сложилось? На чем мы намерены основываться в дальнейшем развитии?

Возможно, разгадка в том, что не завершено еще одно — крушение тоталитаризма. То есть тоталитарное устройство государства, бесспорно, ушло; даже попыток его всепроникающего влияния на все стороны жизни более нет. Но осталась некая тоталитарная составляющая, которая, собственно, и доминирует сегодня. То, что вы рассказывали в предыдущих апологиях относительно устройства государства, государственного строительства и пр., у Оруэлла называлось *внутренней партией*, которая строит жизнь страны, строит саму страну в соответствии со своими непубликуемыми воззрениями. Разница же между внутренней партией, которая кончилась вместе с Советским Союзом, и нынешней внутренней партией, мысли которой излагали нам вы, заключается в том, что первая была (в последние годы более чем формально) — идеологична. У них были цитатники, катехизисы, они знали, как относиться ко всему на свете, у них была до мелочей отстроенная — и вдалбливаемая с пеленок каждому гражданину — система воззрений на то, что такое хорошо, что такое плохо для страны, для мира, для человека. У сегодняшней внутренней партии этого нет. Значит, вот такое устройство общества мы хотим стабилизировать? Искомая преемственность — для молчаливой внутренней партии?

Г.: Давайте разбираться. Был тоталитаризм? Да, был. Ушли от него? Да, очевидно, ушли. Одной свободы передвижения достаточно, чтобы это неоспоримо утверждать. Куда пришли, в авторитаризм? Да. Заменял он его, тоталитаризм? Ну, не во всех сферах, естественно, потому что авторитаризм, в отличие от тоталитаризма, не распространяется на многие сферы деятельности человека. Самое очевидное — рынок. Мы оба говорим, что рынка у нас мало, но ведь он существует, легальный рынок — это уже отличие от тоталитаризма в собственности. Или возьмите наличие журналов, в которых можно читать и писать о несогласиях с властью... То есть очевидно, что нет подавления, нет всепроникающей идеи. Что есть? Есть *авторитет*. Сходство этого авторитета с авторитетом отца народов — ну, в чем-то, во внешних проявлениях, может быть,

и смущает неглубоких аналитиков. Но понятно, что природа-то, даже, я бы сказал, источник энергии — разный. Все-таки энергией для отца народов была коммунистическая партия с ее идеологией. А источником для сегодняшних авторитетов, действующих или будущих, является энергетика скелета российской государственности. Вы называете это внутренней партией — пусть так. В любом случае под скелетом, под скрепляющей частью мы понимаем «контору», структуру органов государственной безопасности. И авторитаризм, он исходит не из личности президента, а из характеристик этой структуры. Внутренняя партия — не нравится мне это словосочетание, но готов говорить, что штатные сотрудники — это внутренняя партия, где случайных людей нет и не будет. Люди туда отбираются согласно некой технологии. Они являются источником энергии как действующего авторитетного управления, так и передачи власти в рамках преемственности после 2007–2008, 2011–2012 и последующих годов, поскольку именно эта структура является механизмом реализации идей государственности — ну, всех, которые мы с вами обсуждали.

В.: То, что вы называете скелетной частью, чиновная основа государства Российского, в советское время показательнейшим образом руководствовалась некоторым спектром ценностей. Этот спектр ценностей кто-то разделял, большинство не очень-то разделяло, но любой мог, проснувшись ночью, его отбарабанить. Тот спектр дезавуирован — ладно. Но как же получилось, что за последние пятнадцать лет ничего на этом месте не возникло? Кроме невнятных типа «за все хорошее, против всего плохого» никто ж ничего ни разу не сказал. В этом не возникло необходимости? Решение задач, которые стоят перед скелетом российского государства, не требует иерархии ценностей?

Г.: Я вовсе не убежден, что правящему классу необходима та или иная разновидность идеологии. Идеология — это квази-религия либо государства, либо сообщества людей, нацеленных на получение функции государства. Это цементирующая

сила, которая, в дополнение к остальным функциям надстройки, объединяет людей, давая им некий аналог веры — цель, идею, ради которой они готовы не замечать неких текущих противоречий в действительности, понимая (либо считая, что они понимают), что направление, по которому они идут, неизбежно приведет к цели. Идея плюс методы которые повышают убежденность общества в этой идее, в совокупности и представляют собой идеологию. Современное российское государство сцементировано другой силой — не идеологической. В классических типах государства она отсутствует, а у нас здесь есть. По результатам, по достигаемой цементации общества, она аналогична воздействию идеологии, а может быть, даже более эффективна. Так вот, если есть такая сила, зачем мне в дополнение к ней еще загонять сегодняшние ценности, о которых мы говорили и наличие которых я думаю, вы подтвердите, в прокрустово ложе классической идеологии? И эта цементирующая сила — собственно, вот та самая скелетная часть нашего общества, в ваших терминах — «внутренняя партия». Это чекисты.

В.: Говоря, что это самое скелетное устройство цементирует общество, вы выдаете желаемое за действительное. Оно цементирует политический класс, цементирует, если угодно, элиту. Элита — да, построилась в шеренги. Но о том, что каким бы то ни было образом построено и сцементировано общество, разговаривать нет оснований.

Г.: Step by step. Значит, с чиновниками — понятно, вообще речи нет, берут под козырек. Крупную буржуазию цементировали?

В.: Построили.

Г.: Построили. Средний класс вектора свои развернул? Развернул. Из тени выходят, государственную политику начинают понимать. Процесс более инерционный? Да, безусловно, но и воздействие на середняка, так сказать, оказывалось

менее сильное, чем на крупную буржуазию. А вот есть чисто внешние, неоспоримые вещи. Как, например, рейтинг действующего главы государства. Как, например, сто тыщ дедов морозов на улицах Москвы. Ну, и никуда от этого не деться.

В.: Про дедов морозов давайте все-таки не будем. Незыблемый же рейтинг главы государства и вправду важен, и его, конечно, можно считать показателем сцементированности общества. Да только, по известным особенностям нашего конституционного устройства, служить ему таким показателем немногим более года — второй срок Путина заканчивается, а по наследству рейтинг не передается. Самое же главное, почему внутренняя партия не есть замена продуманной, проработанной, достаточно широко обсужденной стратегии, иерархии ценностей: она не дает сравнимого уровня предсказуемости. Люди, которые громко и внятно объявили и растолковали, к чему они стремятся, в некотором смысле дали знать, чего от них можно ждать завтра и послезавтра. Чего ждать завтра от выстроенных шеренгами слуг Отечества, они и сами не знают. В этом смысле вопрос, с которого мы начали, о преемственности, становится вопиющим, потому что преемственность чего? Стройности шеренг? А как они, эти шеренги, будут по странам света ориентированы?

Суды и лифты

Г.: Ну, подождите, мы же говорили о направлениях векторов во всех наших предыдущих беседах, можем еще раз все это вспомнить, но я не зря перечислил главные пункты в ответ на ваш первый вопрос. Если там чего-то не сказано конкретного, так по конкретному поводу и спросите...

В.: Не в том даже дело, что стратегию эту рассказали вы мне в практически частной беседе, а не объявили во всеуслышание первые лица страны. В конце концов, и на том спасибо. Беда в том, что стратегия эта исполняется далеко не полностью. Все, что вы посулили держать, — действительно держат.

То же, что вы посулили — пусть понемногу да со временем отпускать, почему-то не только не отпускают, но даже оборот...

То, что вытянулся в струнку крупный бизнес, — несомненное достижение избранного курса, но для него пришлось к чему пожертвовать. Так, потребовалось существенно урезать и без того не слишком укоренившуюся независимость судебной системы — и весьма серьезно увеличить (не по писанным актам, а по установившимся обычаям) полномочия огромного количества лиц в погонах. Можно кого-то из них полевизору называть оборотнями, можно не называть, суть этого не меняется. Люди в погонах обрели могущество, которого у них не было при советской власти, просто потому что там они были не главные фигуры на доске, а тут стали главными. Это изменение всего климата в стране, на мой взгляд, является весьма рискованным с точки зрения наиболее важной как для вас, так и для меня — с точки зрения конкурентоспособности получающегося государства. Важность структурообразующих экономических субъектов и любимого вашего государственного скелета преувеличивается за счет всего остального организма. Остальному организму представляется жить как знает, в той мере, в которой его политики не заинтересовали никого из власти имущих. А заинтересуют — пусть не прогневаются...

Г.: А ведь, я думаю, вы согласитесь со мной, что авторитарная система не нуждается в судебной власти. Суд ей нужен особый — не независимая третья власть, а орган, делающий легитимными нужные решения. И это правильно. Если общество согласно с авторитарным устройством своей государственной части, если оно согласно и вручает, так сказать, свою судьбу и целеполагание некоему авторитету, то мнение независимого (не *авторитетного* в этих терминах) органа не только не нужно, но более того — вредносно. И проблема только одна: передача компетенции общественным институтам авторитету — физическому лицу несет вс

те риски, о которых вы говорите, — в частности, риск пре-
емственности. Но если авторитетом является системная
конструкция, организация, состоящая не из одного, не из
двух людей, а из элиты общества, элиты сильно структури-
рованной, умеющей обращаться с нужными инструмента-
ми, в том числе и с базой компрометирующих материалов,
то преемственность — она неизбежна. Причем если уж го-
ворить совсем откровенно, то наиболее честными демокра-
тическими институтами будут выборы внутри внутренней
партии. И это нисколько не ущемит, более того, сделает
вполне естественным движение будущей элиты в сторону
социальных лифтов — да, поднимающих ее во внутреннюю
партию. Для того чтобы увеличивать свое влияние, свои го-
лоса. Голос человека, личности, поднявшейся по этому лиф-
ту вверх, с точки зрения даже демократического электро-
нального процесса будет более ценным, поскольку все бу-
дут понимать (в том числе те, кто сам не стремится подни-
маться по этим лифтам), что принцип «один человек — один
голос» реализуется уже не для всего общества, а для элиты.

В.: Один маленький вопрос, а потом один большой. Вы ска-
зали, что общество согласно на авторитарные методы прав-
ления. Но общество-то выбирало исходя, в частности, из
предположения о независимости третьей власти — в соответ-
ствии с Конституцией, где это прямо записано.

Г.: Мы появились не вчера. И общество выбирало, когда мы
были здесь. И оно выбрало нашего работника.

В.: Но вы при этом не рассказывали, что третьей власти вам
не надо...

Г.: А после этого были другие выборы, когда рассказано уже
было все. И никто еще эти лифты не устроил по-настояще-
му, никто еще не изменил избирательные права настолько,
насколько я сейчас сказал. И все равно — кто не согласился?
Вы говорите, есть оппоненты — а где они? Давайте я посмот-
рю на них. Запишу анкетные данные.

В.: Не нужно таких тяжелых шуток. Оппозиция есть, вы об этом знаете не хуже меня. Хотя с тем, что ее видимая часть отчетливо маргинальна, я готов согласиться (что, впрочем, не основание отрицать серьезность пока невидимой части). Но теперь большой вопрос. Когда вы только что рассказали о социальных лифтах, ведущих во внутреннюю партию и о демократических выборах внутри нее — вам самому ничего не вспомнилось? Ведь при КПСС все в точности так и было: лифты, ведущие в *номенклатуру*, были идеально построены и общеизвестны, выборы происходили именно чл внутри верхушки... И, кстати говоря, страна выступала на мировых рынках даже монолитнее, чем вы сегодня мечтаете. Почему ваш эксперимент не закончится таким же крахом, каким кончился тот?

Г.: В любом обществе, начиная с первобытного, работали социальные лифты. В этом смысле устойчивость государственного устройства зависит от удовлетворенности элиты их работой. Если бы социальные лифты царской России гарантировали Ульянову (и некоторым его современникам) нечто более достойное масштабу его личности, чем пожизненная перспектива провинциального адвоката, 17-й год, несомненно, был бы другим. Номенклатура загадила советские подъемники бессмысленным начетничеством и затхлым отсутствием деловой конкуренции. Креативная часть общества без ущерба для психики могла заниматься только небольшой частью советской науки, шахматами и цеховым производством.

Сегодня *мы* обслуживаем лифты. Эффективность этой нашей работы вы невольно подтвердили, оценив маргинальный характер публичной оппозиции. Ваша задача — помочь нам в постоянном совершенствовании подъемных механизмов — на благо России.

В.: Вы делаете, на мой взгляд, принципиальную ошибку: Упрочение того, что вы называете скелетом нашей государственности, плюс энергетическая экспансия — этого мало

для России. Это и при полной удаче не может дать ничего, кроме второсортного копошения вокруг трубы, а значит, не даст даже устойчивости: съедят. Энергию нации не сконцентрировать вокруг Лубянки и улицы Наметкина.

Г.: Вокруг чего же она может сконцентрироваться?

В.: Вокруг движения к свободе. Самые поразительные сдвиги в России бывали каждый раз, когда она осваивала новый пласт свободы — после Указа о вольности дворянской, после реформ Александра II, после Манифеста Николая.

Г.: Вы предлагаете бесперспективную вкусовую дискуссию. Я в ответ мог бы вам сказать, что для меня куда очевиднее причинно-следственные связи успехов России с реформами скелетной части государственного организма — реформами Петра, Сперанского и Сталина. Со свободой эти успехи были мало связаны. Нам друг друга не убедить. История рассудит.

В.: И то — рассудит. Спасибо.

Г.: И вам спасибо.

Глава 3

Худший закон России

А ну-ка, отниму

Январь 200

Передел собственности осуществляется сегодня двумя равно безобразными методами. Чтобы изменить такое положение, нужно снижать взяточность базовых законов.

Генеральный директор имеет все возможности бесконечно удерживать управление в акционерном обществе. Опираясь на пакет в пятнадцать процентов, он волен это делать в полном соответствии с законом. Перехватить у него управление в рамках Закона об акционерных обществах можно, только если он: глуп, честен, болен либо окружен сдавшей его командой (либо если у атакующих есть слишком мощные средства неформального давления на него — но этот случай анализа не требует).

Почему нужен пакет в пятнадцать процентов? Потому что пятнадцать — половина от тридцати. Почему именно тридцати? Потому что тридцать процентов акций составляют кворум на повторном собрании акционеров. Почему на повторном? Потому что генеральный директор всегда сумеет обеспечить отсутствие кворума на обыкновенном собрании, следовательно тем самым дело к повторному; как это делается, давно не секрет.

Если за руководителем стоит менее пятнадцати процентов, но он в должной степени свободен от перечисленных выше недостатков, в его силах сохранять свою власть с незначительными нарушениями закона. Необходимые для этого приемы также известны — и позвольте более не вдаваться в подробности.

Такое положение дел не устраивает инвестиционных операторов, которые вынуждены искать эффективные методы получения контроля над финансовыми потоками акционерных обществ. Их творчество привело к формированию двух основных механизмов передела собственности. Главная идея, лежащая в основе обоих, не нова и получила всенародную известность под названием «приватизация по Березовскому», хотя едва ли экс-депутат был единственным ее автором: незачем покупать компанию, если дешевле купить людей. Но выглядит она в обоих случаях очень по-разному, поскольку реализуется через установление рыночных отношений с разными категориями чиновников (конечно, чиновников — не с директором же!).

Первый из двух методов основан на том непреложном факте, что Законом об АО нормативная база не кончается. Если содержащихся в нем рычагов для перехвата власти не хватает (кстати говоря, в первую очередь как раз потому, что этот закон мало завязан на чиновников), найдется другой закон, в котором рычагов будет достаточно.

И все мы знаем такой закон.

Вы слишком богаты, чтобы не быть банкротом

Как только в 1998 году вступила в силу новая редакция Закона о несостоятельности, те самые поглощающие финансовые операторы очень скоро выяснили, что содержащиеся в нем возможности инвестирования в чиновников значительно снижают издержки и на порядок эффективнее инвестирования в скупку акций. Что это за возможности, мы подробно описали год назад (см. разд. «Ворующие по закону»): неотклоняемое назначение «своего» арбитражного управляющего, который и решает проблему, используя свои безграничные полномочия. Для массового воспроизводства

в конкретном регионе этого механизма достаточно, чтобы чиновники местного арбитражного суда и/или территориального агентства Федеральной службы по финансовому оздоровлению (ФСФО) оказались готовы к вступлению в рыночные отношения с противоборствующими сторонами.

Из предновогоднего интервью главы ФСФО Георгия Тальямы выяснили, что теперь и он узнал о таком использовании родного закона: *«Сейчас в законе прописана такая махина для управляющих, что просто диву даешься, почему все этим не пользуются. Там прямо прописан механизм преступного сговора управляющего с кредиторами»* («Ведомости», 28.12.2000). Правда, как видно даже из процитированной фразы, г-н Тальяма еще не в полной мере осознал все прелести этого закона и считает главными коррупционерами арбитражных управляющих, а не судей или своих коллег. Но, в конце-то концов, не всяко слово в строку пишется. С главным выводом главы ФСФО — что действующий Закон о несостоятельности должен быть немедленно отменен, — по нашему мнению, невозможно не согласиться. Но пока он действует, а значит, сравнительно недорогой передел собственности доступен всем желающим.

(Кстати, есть повод объяснить рафинированным специалистам причину низкого уровня сопротивления российского фондового рынка в последние три года — с тех пор, как принят этот примечательный закон. Имея в виду механизм перехвата управления через банкротство, для первоначальной оценки привлекательности инвестиций в акции следует использовать дробь, в числителе которой — совокупный размер взяток за утверждение своих временного, внешнего и конкурсного управляющих, а в знаменателе — количество голосующих акций в контрольном пакете акционерного общества. Несовпадение стоимостей контрольных пакетов схожих предприятий разных регионов определяется в первую очередь случайным различием чиновных appetitов в разных

уголках федерации. Важно подчеркнуть, что описанная формула дает оценку сверху: ведь меньшая по сравнению с банкротством эффективность акционерных механизмов и большие потери обществом своих чистых активов в процессе неизбежной при «акционерном» поглощении борьбы заведомо снижают ориентировочную стоимость одной акции.)

Но и Закон об акционерных обществах не стоит совсем уж списывать со счетов. Да, как мы уже констатировали, рычагов, содержащихся в нем, недостаточно для перехвата управления, но ведь эти рычаги можно удлинить... На этом и базируется второй из ныне распространенных методов.

Я тебе как директор директору скажу: канай отсюда

В чем преимущество судебных механизмов процедур банкротства перед акционерными механизмами? Только в том, что при банкротстве передача власти управляющему оформляется безальтернативным судебным актом. А генеральных директоров на предприятии может быть и два, и три... Напомним известную историю на сибирском предприятии, когда в одном клубе одновременно состоялись два собрания акционеров. На каждом был кворум — представители владельцев более пятидесяти процентов акций (это позже подтвердил суд). На каждом был избран свой состав руководителей. Озадаченные генеральные директора в конце концов выяснили, что владелец одного пятипроцентного пакета выдал две доверенности на участие в общем собрании.

В приведенном примере судебная власть оказалась бессильна. Но мы же знаем, что суду иногда можно помочь. Большой опыт такой помощи накоплен правоохранительными органами. Поэтому второй действенный механизм перехвата управления — это, конечно, ОМОН. Только теперь становится ясным

Особое Назначение этих Отрядов Милиции: нужный гендиректор заводится ими в кабинет (то есть к круглой печати), а ненужный туда не впускается. Понятно, что для применения этого механизма нужно договариваться с иными, чем в первом случае, чиновниками, но — какая разница, в погонах или без погон?

С инвестиционной точки зрения второй способ выгоднее первого тогда, когда либо контрольный пакет достался давно или даром, либо детальный бизнес-план захвата через банкротство выявляет неконкурентный рост издержек на обслуживание чиновного аппарата.

Совершенно очевидно, что при неизменной нормативной среде роль обоих описанных механизмов перехвата управления будет быстро возрасть. Не столько потому, что ими будут овладевать все более широкие массы финансовых операторов (невелика хитрость!), сколько потому, что на каждом следующем переделе собственности все меньше становится директоров с заявленными в начале статьи персональными дефектами.

Могут ли силовики улучшить инвестиционный климат?

Для согласившихся с вышесказанным этот вопрос нетруден. Если, опять же, исходить из неизменности правовой базы, то вполне очевидно, что имеется ровно один способ сделать наконец прозрачным процесс перехода управления акционерным обществом и тем самым привлечь дополнительные инвестиции в экономику.

Для этого следовало бы прекратить экономически наивную игру в прятки и легализовать каналы поступления финансов чиновным потребителям; сделать публичными преискурранты суда и МВД и вносить в них официальные изменения по результатам текущих аукционов. Каждый очередной пе-

рехват управления был бы прозрачен, как классические торги, и давал бы массу информации о состоянии дел у борющихся сторон. Фондовый рынок при этом оживился бы на совершенно новых «голубых фишках»: потенциальным инвесторам — и институциональным, и частным, «от корней травы», — предлагались бы не акции промышленных предприятий, время от времени переходящих от одного игрока к другому, а акции головных предприятий самих игроков: верхушек холдингов Дерипаски, Махмудова, Абрамовича... И законные рыночные преимущества получал бы игрок, талантом и удачей привлечший со страны и мира большой объем инвестиций.

Как хотите, но, кроме этого сюрреалистического пейзажа, иной перспективы развитие нынешних технологий перехвата управления российскими предприятиями не имеет.

Ключ ко всему — взяточность¹

Классификация технологий перехвата управления не была бы полной без упоминания технологии «тихих ходов», недавно появившейся в российской практике. Она основана на приемах, никак не сравнимых по эффективности с боями за физическое обладание печатью и местом сидения директора. Это, например, одномоментная замена печатей, банковских карточек, карточек лицевых счетов и аналогичных им документов в налоговых, регистрирующих и иных органах. В этом случае не требуется захват заводоуправления или получение контроля над охраной склада готовой продукции, но образующие в результате управленческие тромбы атакуемая сторона, по-видимому, не может преодолеть без явных конфликтов с уголовным правом. Первые известные нам примеры

¹ Взяткочность — количественная характеристика федерального закона с размерностью «(у. е. в год)/чиновник». Пригодна для использования законодателем в повседневной работе и чиновником при выборе места службы.

использования таких технологий достаточно убедительны, однако по-настоящему оценить их эффективность можно будет только после набора статистически убедительной базы данных.

Правда, есть серьезные сомнения в том, что такую базу данных удастся собрать. Пока ее пополнением занимаются только неисправимые романтики, пытающиеся своими разрозненными усилиями подтолкнуть государство к выполнению беспредельно скучной и неприятной работы: судебной реформы и ревизии совокупности экономических законов с точки зрения уменьшения их взяткостойкости.

Худший закон России

Октябрь 2001

Действующий Закон о банкротстве развратил страну. Пока он не отменен, ничего полезного — ни поднять экономику, ни улучшить судебную систему — сделать заведомо не удастся.

Тошно быть Кассандрой. Каждый раз, говоря о какой-нибудь гнусности, о том, что она угрожает разрастись и уже на глазах разрастается, все веришь, что дело поправимо, что разумные же вокруг люди, что увидят, ужаснутся и исправят... Но что-то не срабатывает: то ли видят, но не ужасаются, то ли ужасаются, но не исправляют. То ли мешают исправить — те, кто уверен, что данная гнусность им на руку. Если так, то ошибаются: иные гнусности никому не на руку долго.

Черная дыра

Без малого два года назад мы опубликовали анализ причин повальной коррупции в России, дали диагноз — и рецепт лечения этой болезни (см. разд. «Ворующие по закону»). Вот краткая суть этих диагноза и рецепта.

Россия продолжает быть чиновничьим царством. Чиновник распоряжается всеми видами активов, без него не делается никакое дело, не выживает никакой бизнес. Работает самовоспроизводящаяся махина: государство считает необходимым, чтобы его чиновники рулили тем и сем, пятым и десятым; поэтому чиновников разводится все больше; бюджет мал, поэтому им платят гроши — и они все более активно занимаются самообеспечением; этот процесс надо вводить в какие-то рамки, поэтому приходится увеличивать количество чиновников... Ничего нового здесь нет — и мы, привычно

вздыхая, говорим о коррупции, что не совсем точно. Вернее говорить о государственном рэкете. Это даже не метафора: обычный рэкет — это *насильственное встраивание в бизнес бандита, государственный — чиновника*. Таков диагноз. *И мафия — это взаимодействие бандита с государственным аппаратом!*

Для лечения мы предлагали осознать, что львиная доля воровства осуществляется в России по закону. Закон фиксирует точки соприкосновения чиновника с теми или иными активами и дает ему некий простор для маневра — в определенном проценте случаев чиновник решает, что этот простор позволяет и воровать. Поэтому для избавления от коррупции нужна работа прежде всего не правоохранительного, а правоустанавливающего толка. Эффективная борьба с чиновным воровством должна основываться не на установлении наказаний, а на ревизии действующих законодательных норм: следует неуклонно отыскивать в законодательстве нормы (или отсутствие таковых), дающие право чиновникам любого уровня на распределение активов любого качества и любого объема, — и переформулировать их ликвидируя такое право.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» мы тогда приводили в качестве одного — правда, самого опасного — примера закона с щелями для чиновников. Мы обстоятельно показывали, как он подпускает к серьезным активам — и значит, содержит огромный потенциал коррумпирования — чиновников сразу двух властей: и исполнительной, и судебной. Но степени разложения, в которое оди только этот закон способен завести всю страну, мы тогда еще себе не представляли; действительность далеко превзошла наши худшие опасения.

Итоги — предварительные: процесс-то идет! — трех с половиной лет работы Закона о банкротстве в его действующей редакции таковы. «Нечестные» банкротства (то есть исполь-

зование механизма банкротства для наглого отъема собственности) захлестнули страну. Степень сохранности любого бизнеса в определяющей мере зависит от наличия у его хозяев административного ресурса. Продажность судей перестала удивлять. Капитализация экономики упорно отказывается дорастать до пристойных значений.

Все это, как нам кажется, достойно рассмотрения.

Феноменология процесса

Уже практически ни от кого не услышишь ритуальных заклиний о том, что механизм банкротства необходим рынку: эту сущую правду стало неловко произносить. Все слишком хорошо знают, что банкротство по ныне действующему закону — это никакое не оздоровление, а денной грабеж. «Нечестные» банкротства — не разрозненные прыщики, это проказа. «Примерно тридцать процентов всех банкротств в России приходится на заказные банкротства», — заявила руководитель ФСФО Татьяна Трефилова. «Примерно треть кредиторов была заинтересована не в получении денег, а в смене собственника», — сказала она («НГ», 28.09.2001). Если говорить о серьезных предприятиях, попадающих в эту мясорубку, то «нечестных» банкротств будет не треть, а гораздо больше. Скажем, каждый год публикуется «Эксперт-200» — список крупнейших предприятий России. Так вот, из предприятий, входящих в две сотни, только в металлургии на момент публикации рейтинга текущего 2001 года **восемь** находились под внешним управлением (всего металлургов в рейтинге — 51). Более чем вероятно, что с банкротством в прямом смысле слова, с настоящей несостоятельностью, **ни один** из этих восьми случаев не имеет ничего общего; там просто идет «черный передел».

Смешно было бы думать, что каждый из этих бесчисленных случаев получился в результате какого-то неповторимого

сочетания находок поглощающей стороны и ошибок поглощаемой. Банкротства пекутся как блины, стоит только заказать — не зря г-жа Трефилова называет их заказными. А у где и как заказывать — на то есть стандартные правила.

У пользователей Закона о банкротстве две столбовые дороги. Одна из них ведет в центральный офис или территориальное агентство ФСФО, а вторая — в областной арбитражный суд. Предпринимательская схема чиновников-оздоровителей до недавнего времени (Верховный суд только что прикрыл эту малину — см. ниже) строилась на введенной ими же иерархии категорий управляющих: известная шутка с лицензиями третьей категории позволяла им в любое время получить контроль над финансовыми потоками любого предприятия — нужно было только потрудиться назвать его социально значимым. И ведь Верховный суд предотвратил только дальнейшее расширение оздоровительного бизнеса — он не прекратил уже начатых и успешно проводимых «социально значимых» банкротств.

Судейский бизнес основан на принятии управленческих макро-решений: судья отстраняет гендиректора на этапе наблюдения, за ним последнее слово в формировании реестра кредиторов и распоряжении имуществом. Это право судьи вытекает из бесчисленных норм Закона о банкротстве (кстати говоря, сама множественность таких норм делает этот закон практически неулучшаемым).

В совокупности оба эти бизнеса и составляют основу пресловутого административного ресурса. И тут уже сам черт не разберет, то ли агрессивные бизнес-группировки используют этот ресурс на благородном поприще передела собственности, то ли сам ресурс использует их названия как свои псевдонимы. Как бы то ни было, каждая из них имеет свои предпочтения среди конкретных схем манипуляций с чужой (до времени) собственностью. Одни предпочитают работать с оздоровителями и продавать себе ликвидное имущество банк-

готов на стадии конкурсного производства — другие вносят имущество жертв в новые общества и погашают себе долги контрольными пакетами. Одни предпочитают пережевывать одну за другой отрасли — другие перепахивают отведенные им регионы.

Динамика «черного передела» поразительна: за первые девять месяцев 2001 года возбуждено 12 тысяч дел о банкротстве, а всего сегодня рассматривается почти *тридцать тысяч* таких дел. Если верить оценке г-жи Трефиловой — *десять тысяч грабежей*. И конца этому не будет.

Капитализация всей страны

А сейчас, пожалуй, самое время привести первый пример того, как обсуждаемый нами закон возымел последствия, совершенно несообразные статусу — ведь, в конце-то концов, формально он регулирует всего лишь частный случай корпоративных отношений.

Случившееся в 1997 году осенне-азиатское падение акций оказалось окончательным только для России — рынки всех прочих затронутых им стран давно восстановились. Потому что только нам повезло своевременно принять новую редакцию Закона о банкротстве. Именно он плотно придавил в начале 1998 года капитализацию всей страны. С тех пор она, капитализация, неизменно оценивается сверху по формуле:

$$K = \sum \alpha_{ij} + \sum \Omega_k$$

где α_{ij} — взятка за назначение управляющего ($i = 1, N$ — предприятия, подлежащие банкротству, то есть практически все¹ сколько-нибудь привлекательные предприятия страны; $j = 1, 2, 3$ — соответственно временный, внешний и конкурсный управляющий), Ω_k ($k = 1, M$, где M совсем не велико) —

¹ Именно все — запущенные долги иметь не обязательно: существующая индустрия банкротств без труда обанкротит предприятие, не проводившее вообще ни одной коммерческой операции.

отдельно исчисленная капитализация предприятий, банкротство которых невозможно без решения на высшем политическом уровне.

Не верите? Давайте порассуждаем. Допустим, вы заинтересованы в покупке какого-нибудь предприятия. У этого предприятия существует контрольный пакет акций, который в принципе можно купить. Нынешние владельцы оценивают пакет — исходя, например, из годового оборота — в определенную сумму. Но вам, как и всему деловому обществу, прекрасно известны упомянутые в предыдущем подразделе стандартные схемы использования Закона о банкротстве. Поэтому вы знаете, что вашей цели можно достигнуть и другим путем: дать три взятки за назначение своих людей временным, внешним и конкурсным управляющим, получив в результате те же активы. Вы сравниваете цену контрольного пакета с суммой взяток и, если эта последняя на порядок меньше — а дело обычно обстоит именно так, — как разумный инвестор выбираете менее затратный путь: идете покупать чиновников. Тот легко наблюдаемый факт, что некоторые финансово-промышленные группы, осуществляя поглощения, скупают **и** акции, **и** долги, дела не меняет: ключевым — в том числе и для стоимости поглощения — остается механизм банкротства. Сначала запускается именно он, а уж потом, когда до прежних владельцев доходит, что их имущество уже, в общем-то, пропало, за бесценок скупается контрольный пакет. Так что, к великому сожалению, эта мрачная формула — верна. Ее и практика подтверждает — взгляните на индекс РТС...

Многих, вероятно, шокирует употребляемое в столь тотальном контексте слово «взятка». Следует признать, что оно действительно тут не вполне уместно, мы употребляем его исключительно для краткости. На самом-то деле следует говорить о доходе чиновника. Поскольку эта терминологическая тонкость тесно связана с обсуждаемой проблематикой, рассмотрим ее чуть внимательнее.

Предприниматель П приходит к чиновнику Ч и говорит: мне позарез нужно то-то и то-то (речь не обязательно идет о банкротстве — о чем угодно), поставь вот здесь подпись и на тебе конверт. Тут действительно имеет место взятка, а в терминах начала статьи — встраивание чиновника Ч в бизнес предпринимателя П. Но что происходит дальше? Дальше Ч начинает размышлять: «Что же мне теперь, ждать прихода П₂? Но он то ли придет, то ли нет, и, главное, нет никакой гарантии, что он не будет зашанным. Не нужен мне такой избыточный риск — я ведь уже и сам знаю, в каком бизнесе могу оказываться ключевой частью схемы. Так что позову-ка я племянника жены или тещу одноклассника — они вполне справятся с ролью П; так будет понадежнее». Теперь уже нельзя говорить о взятке — речь следует вести о (не будем искать нового слова) *предпринимательском доходе* чиновника. В терминах же начала статьи это будет выглядеть так: встраивание *dumny*-предпринимателя¹ dП в бизнес чиновника-предпринимателя. ЧП — вот только ничего чрезвычайного описанная история, увы, не содержит. Дело обыкновенное. Настолько обыкновенное, что нынешние чиновники первую стадию инициации часто пропускают.

Возвращаясь к капитализации, следует обратить внимание еще на одну проблему. Сейчас модно говорить о том, что росту капитализации российских предприятий сильно мешает недостаточно высокий уровень корпоративного управления и что повышение этого уровня — насущнейшая наша задача. Все это было бы голой правдой, если бы не обсуждаемый здесь закон. Беда в том, что механизмы банкротства настолько грубы и настолько действенны, что совершенно подавляют все более тонкие и цивилизованные механизмы — прежде всего механизмы Федерального закона «Об акционерных обществах», задающие в нашей стране стандарты

¹ Dumny — в программировании — «затычка» на месте несуществующей процедуры или переменной; нечто вроде пиджака, оставленного на стуле.

корпоративного управления. В самом деле, много ли найдется желающих разбиваться в лепешку, шлифуя отношения менеджмента с акционерами или совета директоров с правлением, если известно, что, по Закону о банкротстве, после введения внешнего управления все полномочия и соборания акционеров, и совета директоров, и правления полностью переходят в руки одного человека — внешнего управляющего?

Более того, само наличие всеподавляющего механизма банкротства — в его нынешнем виде — прямо толкает владельцев предприятий к борьбе за непрозрачность своих компаний: сколько-нибудь надежной защиты от враждебного поглощения они не имеют, а потому просто вынуждены по возможности прятать любую информацию о себе. Если, скажем, миноритарный акционер, опираясь на нормы Закона об АО, требует у владельца контрольного пакета информацию, первое, что тому приходит в голову, — эта информация может быть использована при враждебном поглощении (что, в общем-то, правда). Значит, владелец должен сделать все, что в его силах, чтобы законные права миноритарных акционеров — во всяком случае, их права на информацию — нарушать. Владельцы так и делают — чему тут удивляться? Хоть дюжину «Кодексов корпоративного управления» прими, ничего принципиально не изменится.

Что стало с судами

Индустрия банкротств, порожденная действующим законом, сформировала устойчивые финансовые потоки. А ведь известно, что особенности устойчивых финансовых потоков отражаются на корпоративной этике обслуживающих эти потоки людей. Так, этика линейной корпорации Министерства по налогам и сборам существенно отличается от этики матричных корпораций аудиторских партнерств. Требования к соблюдению этических норм корпораций бывают чрезвычайно жестки. В советское время в теле Морального кодекса

строителя коммунизма сформировался негласный кодекс чиновников, обслуживающих очень устойчивый хлопковый финансовый поток. Неподчинение нормам процесса возгонки взяток было в этой среде сродни смертному приговору. То же вышло и с корпорациями, обслуживающими банкротства.

Уже регионализация имущества, достигшая пика в 1999 году, была невозможна без губернаторского девиза: «Дайте мне суд и терагентство ФСФО — и я поменяю титул собственника у всего, что шевелится на захваченной территории». Названные органы неизбежно приобретали политический статус, в них сколачивались команды единомышленников — присутствие в такой команде инородцев с чуждой этикой (даже на уровне секретарши или курьера) резко снижает его эффективность в бою. Много ли там могло остаться инородцев? В случае-то с ФСФО, в конце концов, все ожидаемо: ущербный Закон о банкротстве искорежил ведомство, занимающееся банкротствами. Труднее было предположить, что этот закон, один из очень многих, покалечит всю судебную систему страны. Но случилось и это.

Не один Закон о банкротстве виноват в том, что перед судьями открылись возможности предпринимательской деятельности, заведомо не совместимой с судейским статусом, — возникли и другие такого рода соблазны (см. разд. «Ворующие по закону»). Но именно банкротства — напомним, даже по скромнейшей оценке официального лица, на треть заказные — во-первых, шли потоком, а во-вторых, поток этот бил концентрированно: для рассмотрения дел о несостоятельности повсеместно выделены специальные составы судов. Коррупционирование этих составов было, по существу, предопределено; мы готовы поверить в существование единиц, не поддавшихся коррупции, но большего предположить нельзя. А ведь корпорация судей замкнутая и — изнутри — прозрачная: всем все про всех известно. Разлагающий пример оказался нестерпимо нагляден.

Репутация суда — не отдельных судей, а российского суда как такового — в деловых кругах катастрофически низка. И трудно было бы ожидать иного при столь широком пространстве судебного предпринимательства. Это неопытная общественность была шокирована, узнав только из скандала вокруг НТВ, что один и тот же судья очень даже может по одному и тому же делу в течение суток вынести два взаимоисключающих определения, — бизнесменам это давно известно.

И не только своим бизнесменам — и чужие уже знают. Представитель канадской Norex Petroleum, хлебнувший передел через банкротство, выражается так: «Мы знаем, как рассматриваются судебные вопросы с участием ТНК, а особенно в судах ХМАО под председательством г-на Янченко. Поэтому мы хотим, чтобы наши вопросы были рассмотрены в судах любой юрисдикции за рубежом» («Новые Известия», 07.08.2001). Оцените — любой юрисдикции!

В наших судах стали происходить такие вещи, каких даже в XVIII веке поди поищи. Вот только одна история. В Московском арбитражном суде к одному из судей — как раз из числа специализирующихся на делах о банкротстве — попало непрофильное для него дело о споре по хозяйственному договору на довольно крупную сумму. Истец и ответчик до суда пришли к подписанию мирового соглашения, с которым и явились в суд в назначенный для слушания час. На лице судьи ясно написалось: «Вы тут договорились, а где же я?!» Решение: отложить слушание на месяц. Через месяц непонятливые стороны опять пришли с тем же соглашением, без всяких внесудебных аргументов, чем вконец оскорбили судью. Отказавшись утверждать мировое соглашение, суд приступил к рассмотрению дела по существу. Произошло дословно следующее. Судья: «Истец, вы поддерживаете иск?» — Истец: «Поддерживаю». — Судья: «Ответчик, вы возражаете против исковых требований?» — Ответчик: «Нет, не возражаю». — Судья: «В иске отказать».

(Если кто-нибудь, скажем, в прокуратуре заинтересуется только что рассказанным случаем, мы готовы назвать и судью, и свидетелей. Только ведь никто не заинтересуется. И правильно: такое ли наблюдаем! Вот 15 октября «Ведомости» рассказали о том, как «Северстали» и Магнитогорскому металлургическому комбинату понадобилось остановить в Арбитражном суде Кемеровской области иски о банкротстве четырех шахт «Кузбассугля»: «Предотвращение банкротства шахт было одной из основных тем на переговорах губернатора с руководителями "Северстали" и ММК в конце прошлой недели. После встречи Тулеев сообщил журналистам, что договоренность достигнута и банкротств не будет». Прямо так и сообщил. Конечно, губернатора Тулеева по-человечески можно понять: эти банкротства и ему не нужны; но ведь он же практически заявил журналистам о своей подсудности как минимум по 286-й статье УК РФ «Превышение должностных полномочий». Угадайте с трех раз, пришел ли к А. Г. Тулееву прокурор.)

Из судов потоком идут аресты акций и запреты на проведение акционерных собраний; суды могут по сюрреалистическому поводу перекрыть доступ к трубе, как недавно «ЛУКойлу», а могут и вообще выдать исполнительные листы с запретами как на совершение неких действий, так и на препятствование таковому совершению (история с Валом Гамбурцева). Как хотите, но все это суть доказательства неизбежной и очень скорой судебной реформы. Театр абсурда хорош только изредка и только со стороны, и успех **любых** судебных реформ обеспечен — в общем-то, независимо от их авторов. Потому что описанный поток неправосудных решений судьи извергают практически безнаказанно — и общество от этого устало.

Что будет с судами

Все бы хорошо, но усиление ответственности судей за принимаемые решения — вопрос чрезвычайно деликатный,

затрагивающий фундаментальнейшие проблемы устройства общества. Нам кажется, что в этой части законодательства не следует подвергать ни хирургическому, ни даже терапевтическому воздействию, — лечение должно быть выверенным и в гомеопатических дозах: тут слишком легко качнуть маятник в обратную сторону с еще большей амплитудой. И, судя по опубликованным законопроектам, разработанным под руководством замруководителя администрации президента **Дмитрия Козака**, власть намеревается поступить именно так.

Если вспомнить историю наших судов после 1917 года, то сначала царило революционное правосознание. Потом его заменило правосудие по Вышинскому. Оно, в свою очередь, после оттепели и вплоть до окончания периода развитого социализма эволюционировало в допустимых однопартийной системой пределах. Судебная реформа начала девяностых была глубокой и цельной — и жить бы нам да радоваться, и не предусмотрела эта реформа защиты от беды судебной предпринимательства, приключившейся в самые последние годы. Как из абсолютной независимости судей вычленили и удалили независимость от ответственности за принимаемые решения? Вот какого ответа мы ждали от реформаторов. Они же предлагают нам вместо автоматически регулирующих юридических механизмов надежду на доброго президента и его заместителей. Спасибо.

Не будем здесь вовлекаться в подробную дискуссию — лишь кратко выскажем наше мнение. Предлагаемая ответственность судей вкупе с порядком назначения судебных начальников всех уровней поставит крест на независимости третьей власти — и так пока более чаемой, чем реальной. Оно бы и не диво: законодательная ветвь власти у нас сейчас тоже не больше-то независима от исполнительной, но тут есть разница. Там слияние ветвей произошло от совпадения ряда неформальных обстоятельств и, вообще говоря, может оказаться краткосрочным — например, до очередных выборов; судеб-

ная же вертикаль перестанет быть независимой по закону и, стало быть, надолго. А из этого с неотвратимостью последует позвоночная этика судейской корпорации времен КПСС.

Правда, одну из обсуждавшихся проблем предполагаемая реформа с легкостью решит: мы говорим о повышении капитализации российской экономики. В самом деле, сегодня судья-предприниматель выступает как многократный инструмент передела собственности. Если появится административная или уголовная (а лучше бы всего — гражданско-правовая) ответственность судей за принимаемые решения, он станет инструментом одноразовым. Соответственно, цена его услуг резко пойдет вверх — а с ростом слагаемых в приведенной выше формуле будет резко расти и сумма. Так, глядишь, и фондовый рынок оживет...

Хотя, честно говоря, шутки на эту тему как-то не слишком уместны.

Что делать?

Надо признать, кое-что уже делается, но — мало и поздно.

В марте 2001 года Конституционный суд признал две нормы Закона о несостоятельности неконституционными. Сгоряча многим добрыммыслящим гражданам померещилось, что закон этим постановлением полностью обезврежен. Ведь суд признал неконституционным следующий текст: *«Статья 56. "Введение наблюдения". С момента принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом вводится наблюдение, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом»*, — то есть, казалось бы, разрушил всю конструкцию рокового закона, выбив из-под нее фундамент, первое действие, совершаемое по отношению к потенциальному банкроту. Если отменить срок наступления совершеннолетия, то за развратные действия с несовершеннолетними можно будет судить либо всех, либо никого; и то и другое противно любой морали...

Но, отменив автоматический порядок введения первой стадии процедуры банкротства, Конституционный суд, естественно, не установил другой законной нормы: это не в компетенции. Законодатель тоже молчит до сего дня. За практикующие судьи об это постановление даже не спонулись — просто срок введения наблюдения был произвольно отодвинут ими в среднем на 20–25 дней.

Попытка Верховного суда цивилизовать бизнес чиновников-оздоровителей за счет отмены категорий лицензий тоже явно запоздала. Закон уже оказал действие такой разрушительной силы, что среди практикующих управляющих, работников ФССО, судей почти перестали встречаться профессионалы, искренне готовые следовать духу закона. А ведь процессы соvrращения и раскаяния, как известно, протекают с определенной скоростью. Поэтому, ограничившись упомянутыми мерами, общество долго будет ждать добрых новостей с фронта банкротств.

Делать, на наш взгляд, нужно ровно одно: немедленно прекратить складывать мораторий на применение действующего Закона о банкротстве. Сейчас, как известно, в Думе идут долгие препирательства вокруг проектов нового закона, но ждать, пока они придут к чему-то реальному, не стоит: слишком уж мощные лоббистские силы прямо заинтересованы в том, чтобы ничего реального не получилось как можно дольше. Да и вообще — терпеть нынешнее положение уже просто преступно. Отменять нынешний закон к чертовой матери — пусть снова действует старый, работавший до 1 марта 1998 года. Конечно, он был далеко не идеален, но по сравнению с нынешним — несравнимо менее вредоносен; пусть те две трети кредиторов, которые не «нечестные», перекантуются пока с ним.

Кое-что отмена закона преобразит немедленно: сразу исчезнет верхняя граница капитализации, сразу вернут себе актуальность вопросы корпоративного управления. Благие ре-

ультаты этих перемен не замедлят сказаться. Кое-что отмена закона одним махом не преобразит — чуть выше мы уже говорили, что люди исправляются дольше, чем портились. Но и в этих вопросах *жизнь начнет налаживаться*.

Поэтому-то, на наш взгляд, и не следует торопиться с переменами в статусе и порядке назначения судей. Отмена Закона о банкротстве перерубит главные корни судейского предпринимательства; законодательные перемены еще буквально в нескольких точках (практикующие юристы без труда их назовут) могут убрать и другие самые могучие соблазны, чем окончательно переведут коррупцию в судах из положения почти не прячущейся отрасли народного хозяйства в подобающее ей положение личной и крайне рискованной авантюры отдельных судей. Через некоторое время вопрос об ответственности судей станет возможно обсудить более взвешенно — и решить более правильно.

Пока Закон о банкротстве не отменен, любые другие шаги будут паллиативами — или будут лечить кровотечение из носу накладыванием жгута на шею.

Карфаген должен быть разрушен — Закон о банкротстве должен быть отменен.

Худший закон России-

Март 200

Подготовленный правительством новый закон о банкротстве сохраняет действующие механизмы наглого отъема собственности и создает новые. Взяткоемкость нового закона — бесконечна.

Процедура пройдет с рекордной быстротой. Внесенный правительством в Думу проект нового закона о банкротстве всего две недели назад впервые рассматривался в профильном комитете, а уже 6 марта он будет слушаться в первом чтении. Нет сомнения, что к маю он будет, как знающие люди и обещают, проштемпелеван уже во всех инстанциях.

О ныне действующем законе мы писали не раз, а что писали понятно из заглавий: см. разд. «Ворующие по закону» и «Худший закон России». Того, что этот закон, дав неотразимый инструмент хамского передела собственности, развратил страну, не знает только тот, кто не хочет знать — и притом

очень не хочет. Газеты полны вопиющими примерами «банкротского» грабежа, а ведь в газеты не все попадает даже из крупных случаев: любому надоест писать каждый день одно и то же.

Власти долго делали вид, что не замечают этого конвейера грабежей, но в прошлом году даже глава «госбанкротства», то есть ФСФО, Т. И. Трефилова публично заявила, что из всех процессов банкротства, идущих в России, треть — «заказные»: их инициаторы и не думают о титульной цели процесса (возврат хотя бы части денег неисправным должником), а прямо заказывают — и получают! — понравившуюся им собственность. За четыре года действия закона нагло ограблены десятки тысяч собственников, произошло обвальное коррумпирование судов, предпринимательский климат стал заполярным, надежды на рост капитализации экономики — несбыточными. У сколько-нибудь непредвзятого наблюдателя неизбежно появлялись сомнения в том, что такие страшные последствия внешне благопристойного закона случайны. И недавно знающий человек публично рассказал, что действительно не случайны — *так и было заказано*.

Истинное назначение закона о банкротстве

Зачем был написан закон о банкротстве? Официальная версия ответа известна. Старое законодательное пространство не позволяло регулировать отношения, связанные с банкротством. Нужно было в максимальной степени защитить интересы кредиторов и в то же время создать предпосылки для финансового оздоровления должников. Но истинные цели закона были совершенно другими.

Закон о банкротстве был написан летом 1995 года и 3 декабря того же года принят в первом чтении. А после этого он лежал в Думе мертвым грузом. Более того, делались попытки внести альтернативные законы. И вдруг начиная с лета 1997 года этот закон без каких-либо серьезных изменений начинает бурными темпами проходить через Госдуму. Он получает такую серьезную поддержку, что 300 депутатов проголосовали «за». Бунич,

в то время председатель комитета по собственности, им гордился. Сейчас говорят: худший закон России. А Бунич считает его лучшим законом России, потому что вот какой поддержкой депутатов он пользовался. Так как же сформировалась эта поддержка? Из чего она сформировалась?

Совершенно очевидно, что сформировалась она на той истинной цели, которую видели в законе заинтересованные лица. А истинная цель была связана с тем, что приватизация в тот период уже завершилась, бесплатного доступа к государственному пирогу так просто, как в предыдущие пять лет получить не удавалось. И была предпринята удачная попытка через механизм банкротства создать новый инструмент передела собственности: была сформирована соответствующая ситуация в Госдуме и проведен закон, который декларировав одни цели, на самом деле был направлен на решения других. И все, что мы сейчас имеем, как раз предусматривалось в качестве истинной цели этого закона.

Как все это было сформировано? Понятно, что основными лицами, которые хотели делать на банкротстве бизнес, были те олигархические структуры, которые считали себя неудовлетворенными при приватизации. Были сформированы партнеры по бизнесу, которые должны были сосредоточить в своих руках максимум прав, но с другой стороны, — снять с себя любую ответственность за результаты этой деятельности. Я надеюсь, никого не обижу, если скажу, что арбитражные управляющие в числе партнеров не предусматривались. А предусматривались «обиженные» олигархи и арбитражный суд. Я просто слышал в открытую эту декларацию, когда один из олигархов сказал: «Надо все полномочия срочно передать арбитражному суду, благо он у нас ни за что не отвечает. А уж с судом мы разберемся. Но чтобы государства здесь близко не было».

Таким образом были сформированы действующие лица. И вот здесь уже появляются арбитражные управляющие, которым (еще раз: не хочу никого обидеть) разрешили мелко приворовывать, потому что, если олигархи хотели воровать по-крупному, нужно было закрывать глаза на то, что кто-то еще по ходу дела будет воровать по-мелкому.

Потом нужно было выбрать субъекта, которого «кинут». Им стал собственник имущества предприятия, которое попало в будущую сферу влияния соответствующего олигарха. И нужно было придумать козла отпущения, на которого можно было бы свалить всю ответственность, минимизировав при этом его полномочия. Таким козлом отпущения стало государство.

Обратите внимание: у нас государство оказалось исключенным из участия в голосовании, несмотря на то что задолженность перед государством бывает равна 30–40–50 % всей задолженности предприятия. А вся полнота ответственности лежит на нем. И это напрямую следует из той дискуссии, которая развернулась в 1998–1999 годах на страницах весьма авторитетных изданий, когда авторы закона о банкротстве публиковали научные статьи и говорили: «Закон хороший, там все правильно написано, но вот страдает применение: правительство плохо учит арбитражных управляющих, оно не подготовило нужного количества арбитражных управляющих, с одной стороны, а с другой — оно допускает на рынок совершенно непрофессиональных арбитражных управляющих, которые ничего не умеют делать, кроме как тырить мелочь по карманам. Правительство придумало какое-то несусветное положение о лицензировании, правительство, вместо того чтобы заниматься финансовым оздоровлением, занимается постоянным инициированием дел о банкротстве через налоговые органы и т. д., и т. п.».

То есть правительство во всем виновато. Это шло красной нитью всю вторую половину 1998 года и весь 1999-й. И только когда масштабы катастрофы стало невозможно замалчивать, стали говорить: возможно, сам закон неправильно построен, возможно, что-то в конструкции недосмотрели, что-то в правовых нормах... Я хочу сказать, что мы получили тот результат, который должны были получить.

Георгий Таль (бывший глава ФСФО)

Из выступления на конференции «Бизнес на банкротствах.

Предпринимательская этика в России»,

7 декабря 2001 года, Москва

Тут возникает надежда: а вдруг небывалая спешка с проведением через Думу правительственного законопроекта и вызвана тем, что власть осознала нетерпимость создавшегося (созданного!) положения и торопится пресечь денной грабеж? Но надежда эта начинает таять уже при знакомстве с пояснительной запиской к законопроекту, где выплывает характернейшая проговорка: разработчики обещают защиту прав *добросовестных собственников*. Поневоле заподозришь, что им, разработчикам, ведом какой-то зарытый в законе секрет, который позволяет делить собственников на «добросовестных», права которых стоит защищать, и каких-то других, которых защищать совершенно бессмысленно, да и просто противно...

Впрочем, Бог с ним, с Фрейдом, давайте прочтем текст проекта. Тут очень есть что почитать — 258 страниц.

Поп свое, а черт — свое

Злонамеренное, по официальной точке зрения, или штатное, если поверить рассказу г-на Таля, использование ныне действующего закона, то есть использование его для захвата чужой собственности, напоминает игру с двух рук. Одна рука (арбитражи) помускулистее и попроторнее, другая (ФСФО и его терагентства) пока покороче. Основная схема (подробности см. в разд. «Ворующие по закону») проста. С подачи ФСФО или привлеченного мелкого кредитора суд ставит начальника в ограбляемом предприятии, а затем штемпелюет решения этого начальника по перемещению интересующих заказчика активов. Вот и все.

Судейская «рука» в этой игре заметно сильнее по той простой причине, что механизм участия суда в переделе собственности через банкротство подробно прописан в законе; точки же процесса банкротства, в которых может подключаться ФСФО с подручными, в законе наперечет. Надо, впрочем, заметить, что чиновники ФСФО проявили незаурядную изобретатель-

ность, ухитрившись из этих фрагментарных лужиц сварганить вполне серьезный водопой. Они (прежде всего через трюки с лицензированием управляющих — опять сошлемся на разд. «Ворующие по закону») обеспечили себе доступ к банкротству если не всех, то уж наверняка наиболее лакомых предприятий.

Первое же знакомство с законопроектом заставляет заподозрить, что привычная схема ограбления им полностью сохранена. Внимательное чтение позволяет скорректировать вывод: прежняя схема сохранена, и притом а) судейская технология очищена от наиболее одиозных «шероховатостей» и б) чиновники ФСФО получают принципиально иной объем законных полномочий. Теперь намеченную жертву можно будет грабить с двух равномошных рук.

Говоря о шероховатостях, мы имеем в виду, во-первых, примечательное свойство прежнего закона: некоторые из определений, выносимых судом в процессе банкротства, не могли быть законным образом обжалованы и являлись, таким образом, расстрельными приговорами, исполняемыми на месте. Теперь можно будет обжаловать и эти определения, но легче от этого не станет — хотя бы потому, что путь обжалования долг, а процедура растаскивания активов быстра; возвращаться с удовлетворенной жалобой бывшему собственнику придется на пепелище.

Во-вторых, стало более благопристойным начало процесса банкротства. Если по прежнему закону банкротство можно было начать (и начинали!) с неоплаченного жертвой счета за стуженное змеиное молоко, то теперь часть вменяемых долгов надо будет либо подтверждать по суду, либо добиваться чистосердечного признания должника. Но легче не станет и от этого: долги перед государством — мы к этому сейчас вернемся — вменяются без всякого подтверждения (а потому теперь банкротство можно будет начинать с неуплаты жертвой налогов с торговли стуженным змеиным молоком...).

Теперь — о новых полномочиях чиновников. Они столь велики, что позволяют говорить об отдельной чиновничьей технологии передела собственности через банкротство, по ответственности не уступающей или даже превосходящей технологию судейскую. Вот три главных подарка:

- «задолженность по обязательным платежам» включается в сумму претензий, предъявляемых должнику, без чьего-либо подтверждения (ст. 5);
- «к ведению государственного органа по финансовому оздоровлению и банкротству» отнесены «ведение учета и анализа платежеспособности предприятий, размер активов которых превышает сто миллионов рублей» (ст. 30, пункт 3);
- представитель госоргана получает право голоса по всем обязательным платежам на всех собраниях кредиторов.

Мы перечислили не все подарки, а только главные, потому что и их с лихвой достаточно.

Первый из них позволяет, например, вовлеченному в передел собственности (купленному) чиновнику начать процедуру банкротства *любого* предприятия в *любую* минуту. Он же дает возможность этому чиновнику получить решающий голос при обсуждении *любого* (подарок номер три) принципиального вопроса.

Второй подарок гарантирует бесконечную — и это не гипербола, а сухой факт: конца быть не может и не будет — взяточность нового закона. Приведенный пункт означает, что в *любую* минуту на *любом* предприятии с валютой баланса, превышающей \$3 млн (то есть на *любом* предприятии, кроме пивных ларьков), может появиться чиновник из ФСФО и потребовать предъявления какой ему угодно документации — на том лишь основании, что он где-то усмотрел угрозу вашей «хозяйственной деятельности». (Заметим в скобках: это создает и вне сферы банкротств такую базу для все-

ленского шантажа, что в любом другом случае мы бы сочли своим долгом бить в набат; но на фоне закона о банкротстве шантаж — семечки.)

Вы, возможно, полагаете, что спокойно проигнорируете такое требование? Значит, вы еще не читали нового закона. Прочтете — узнаете, что вы, как было и в прежнем законе, несете субсидиарную ответственность по долгам своей фирмы (в том числе нарисованным чиновником — это уже новация), если в течение месяца с момента возникновения «оснований полагать», что долги «существенно осложняют или сделают невозможной хозяйственную деятельность», сами не подали на собственное банкротство. Чиновник же легко объяснит вам, что «основания полагать» (и основания надежные: сам делал) у него возникли еще *два* месяца назад. Стало быть, либо удовлетворяйте его запросы, либо выходите субсидиарно строиться.

Не надо питать иллюзий: как схемы «злоупотребления» прежним законом сегодня известны всем заинтересованным лицам (кому — как рабочий инструмент, кому — на своей шкуре, а уж понаслышке — решительно всем), так и схемы, вытекающие из нового закона, будут бесконечно растиражированы сразу после его принятия. Нам трудно представить себе, чтобы кто-нибудь из разработчиков закона или даже из народных избранников, собирающихся за него голосовать, так уж совсем этого не понимал. Все люди взрослые — все все понимают.

Закон, которого не должно быть

Важнее любых деталей нового закона — и тех, о которых мы рассказали, и многих других, ничуть не менее прятных, — главный вывод. Этот новый закон точно так же *неисправляем*, как и прежний. Его бесконечная вредоносность не в отдельных элементах и не в конкретных конструкциях опирающегося на него грабежа, а в доведенной до идеологического

совершенства взяточности. Детали, вообще говоря, можно заменять, но пока в центре процесса банкротства остаются чиновники — и судейские, и госуполномоченные, — из таких замен ровно ничего хорошего не выйдет. Именно поэтому мы публикуем эту статью сейчас, перед первым чтением законопроекта в Думе. Если 6 марта проект будет одобрен в первом чтении, то есть будет одобрена его концепция, разговаривать о каких бы то ни было деталях станет совершенно бессмысленно.

Мы не верим, что принятие этого закона возможно остановить. Чтобы представить себе совокупную мощь лоббистских усилий, направленных на его проталкивание, нет нужды дожидаться, чтобы еще один отошедший от дел чиновник разоткровенничался — достаточно ведь и аналогии с признаниями Г. К. Таля. И все-таки — слаб человек — теплится в нас надежда, что хоть один депутат Думы встанет 6 марта и начнет задавать вопросы. А *любые* произнесенные публично ответы на очевидные вопросы станут первым шагом на пути к отмене этого страшного закона — каким бы долгим ни оказался путь.

Вернемся на землю

Нужно было жить и исполнять свои обязанности.

«Разгром»

Шестого же марта, повторимся, законопроект пройдет¹.

¹ Так и случилось.

Отменить худший закон России!

Сентябрь 2002

Общественного внимания к проблеме банкротств привлечено слишком много: что такое, в конце концов, банкротство? Всего лишь один из вариантов прохождения одного из этапов жизни всякого юридического лица — кончины. Нормальному человеку этих сведений достаточно, и ему незачем вдаваться в подробности: пусть банкротством — как и астрофизикой, как и ассенизацией — занимаются специально обученные люди.

С другой же стороны, к проблеме *российских* банкротств внимания привлечено крайне недостаточно: общество, включая и его деловые круги, не понимает, не хочет понимать, какую клоаку представляет собой эта сфера. Про «заказные» или «нечестные» банкротства слышали все, но воспринимаются эти разговоры примерно как рассказы о СПИДе в Африке. Зря. СПИД — да. Но гораздо ближе. Уже не одному предпринимателю, наивно верившему, что людей, не наделавших долгов, не банкротят, пришлось на личном примере убедиться в обратном.

Хотя, может быть, общество не так уж и виновато — просто по поводу банкротств ему непрестанно врут. Врали и весь 2002 год. Сначала врали, что правительственный проект новой редакции закона о банкротстве искоренит в этой сфере злоупотребления. Потом врали, что уж после поправок в Думе и учета мнения Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) — точно искоренит. Теперь врут, что президентское вето на новый закон плохо не тем, что останавливает этот ухудшающий ситуацию закон ненадолго, а как раз наоборот — тем, что оставляет арбитражных управляющих без насущно необходимого им регулирования.

Двойная ложь. Если речь о том, что арбитражные управляющие, а равно и чиновники ФСФО бродят без присмотра, так не бродят. Поводки у них очень короткие. Вот пример.

Глава теруправления ФСФО, то есть Главный Оздоровитель одного из дальневосточных регионов учредил некоммерческое партнерство с милым названием ПАУК. Все тамошние управляющие *добровольно* вошли в партнерство и получают работу из рук совета учредителей ПАУКа — возглавляемого, ясное дело, Оздоровителем. Этому несменяемому совету принадлежит вся власть — рядовые партнеры совершенно бесправны. В уставе партнерства так и записано: если к кому-то из управляющих обратятся кредиторы с предложением поуправлять чьим-то банкротством, то он обязан, не принимая предложения, волочь заказ старшим товарищам. Послушный региональный суд уже давно направляет свои акты не прямо тем арбитражным управляющим, которых эти акты касаются, а Оздоровителю — для ознакомления и последующей передачи адресату.

Если же, говоря о необходимости регулировать, имеют в виду, что управляющие и оздоровители могут нанести еще больше вреда, чем наносят нынче, — так и это, пожалуй, ложь. Ведь что такое упомянутый только что ПАУК? Так, реликт какого-то дремуче каменного века, бортничество. Главный Оздоровитель другого дальневосточного региона строит свой бизнес, не ограничиваясь охотой и собирательством. Называйте это хоть выпасом и стрижкой, хоть просто сбором урожая, но все предприятия региона знают, сколько стоит ежегодный абонемент со штампом «не беспокоить». Непонятливых почти не осталось, а оставшихся берегут: на их примере учат уму-разуму молодых бизнесменов и новых собственников, прибывающих в регион из других земель. Приемы, применяемые против бунтарей, бывают стандартными (полицейско-пожарно-налоговыми), а бывают с выдумкой. Одним жертвам могут заявить, что тюремные камеры для них «уже приготовлены — осталось только найти заказчика»;

других могут регулярно тягать в Москву на федеральную балансовую комиссию только потому, что одна-две из многих десятков их дочерних компаний оказались под банкротством, — и т. д.

Недавно к руководителю (и основному собственнику) одного из крупнейших предприятий этого региона пришел *его же родной аудитор* и, сославшись на Оздоровителя, рассказал, что предприятие это намереваются схарчить. В руках у аудитора был согласованный с Оздоровителем план наблюдения (первой стадии процесса банкротства) общей стоимостью 90 млн рублей. В этом плане были четко, черным по белому указаны размеры разовых доходов арбитражных судей, приставов и других чиновников. Руководителю было предложено (собственным аудитором, со ссылкой на главу территориального ФСФО!) немедленно перестать платить налоги, чтобы организовать сумму долгов для пристойного начала дела по его банкротству. Руководитель — очень уважаемый в регионе человек — не понимает: я же всем плачу, у меня есть деньги — почему я должен перестать платить в бюджет и подставляться под банкротство? Да потому и должен, чужак-человек, что у тебя долгов нет, а деньги есть. Что же ты думаешь, кроме тебя никому не хочется поруководить таким предприятием?

Мы не называем обоих регионов не потому, что не можем доказать сказанное, — можем. Мы не называем их потому, что почти везде так. Потому, что бизнес на банкротствах заматерел и склубился в прочные преступные сообщества почти по всей России.

Судя хотя бы по тому, с каким свистом проходила Думу новая редакция закона о банкротстве, которая это безобразие не прекратит, а усугубит, у этих преступных сообществ огромные лоббистские возможности. Поэтому сделать хоть какие-то шаги к излечению болезни может только верховная власть. Шаги эти должны быть жесткими до жестокости, и главный из них известен: закон о банкротстве должен быть отменен.

и был принят. О том, что новый вариант закона породит еще более беззастенчивый грабеж, чем тот, что идет с 1998 года мы тоже уже писали (см. разд. «Худший закон России-2») и тоже не будем повторяться. Укажем лишь на различие между законом-98 и законом-02. Концепции обоих законов практически совпадают, но продолжается дрейф ко все большей концентрации полномочий по переделу собственности в чиновных руках. Результаты дрейфа столь внушительны, что по поводу закона-02 уже можно говорить «*антиобщественный*» в любом смысле слова — всем, кроме чиновников, этот закон прямо вреден.

И вот — ни с того ни с сего, ведь проект-то правительственный! — президент Путин налагает на него вето. О нем (не о президенте, а о вето) стоит сказать отдельно.

Слон и дробина

Вето — «мягкое», то есть по сути является отложенным одобрением: президент обусловил свою подпись под законом необходимостью принять ряд поправок. Поскольку в законе порочны не детали, а концепция, *никакие* поправки дела принципиально не меняют. Тем более странен набор поправок, затребованных главой государства: резкое уменьшение сумм, которыми управляющие отвечают за свои действия в процессе банкротства, плюс очередные мелкие подвижки в распределении полномочий между госорганами. У комментаторов были все основания заявить, что задержка вступления закона в силу будет крайне недолгой: вернувшись с каникул, депутаты так же охотно проштампуют горстку предложенных поправок, как раньше проштамповали сам закон. Поэтому затея с вето производит комичное впечатление: серьезный охотник на серьезном сафари выпалил в ревущего слона дробью-нулевкой.

Впрочем, есть и оптимистическая трактовка вето: президент и его правовое управление ясно понимают вредоносность

нового закона, но так вот прямо зарубить его находят неудобным по вышесказанной причине: проект-то правительственный. Поэтому они и запулили в него этой дробинкой, имея в виду провести с депутатами центристских фракций соответствующую работу, что и даст возможность завалить закон сравнительно бесшумно — и начать разработку совсем другого закона о банкротстве с чистого листа. Единственный недостаток такой духоподъемной версии в том, что жить ей недолго — до того пленарного заседания Думы, на котором...

Любить гробовщика не обязательно

Попробуем себе представить идеальный — и притом не вообще, а именно здесь и сейчас идеальный — закон о банкротстве. Идеальный — значит делающий что-либо очень хорошо, безукоризненно. Чтобы делать что-либо очень хорошо, надо освободиться от лишних, необязательных для основной цели заданий. Поэтому сразу договоримся: закон о банкротстве должен быть именно о банкротстве, а не о финансовом оздоровлении компаний; не о сохранении градообразующих предприятий или, скажем, их бизнесов; не о торговле предприятиями и пр. Все это, возможно, очень важные и полезные вещи, но пусть ими занимаются другие законы. Итак — только банкротство.

В таком случае — где сфера применения этого закона? Очевидно, на краю сферы применения другого закона — Федерального закона «Об исполнительном производстве». Если судебный пристав может в полном объеме удовлетворить требования кредитора (кредиторов) в рамках своих полномочий, отлично. В ту секунду, когда пристав убеждается, что у должника не хватает активов для расплаты по всем обязательствам, он отходит в сторону — и должник автоматически влывает в процесс банкротства. В принципе можно было бы и не писать отдельного закона — дополнить «банкротской» главой тот же закон об исполнительном производстве. Отдельный закон о банкротстве — не признак особой важности этой темы (тема-то *второстепенная*),

но всего лишь вопрос удобства. Из сказанного ясно, что единственной целью применения идеального закона о банкротстве является стирание предприятия-должника с экономической карты России.

В чем будет главное отличие идеального (напомним: здесь и сейчас) закона от действующего закона-98 и «мягко ветованного» закона-02? В том, что он никоим образом, и при каких усилиях заинтересованных сторон — кредиторов и псевдокредиторов, должников и псевдодолжников, а прежде всего чиновников — не сможет стать инструментом перелома собственности. Для этого нужно будет полностью исключить какое-либо перемещение активов должника до начала конкурсного производства, да и само конкурсное производство нужно будет сделать такой мясорубкой, через которую не будет никакой надежды протащить *целый* кусок, — именно это мы только что назвали стиранием с карты.

Даже из этих самых общих соображений можно вывести критерий, которому обязан удовлетворять идеальный закон: *он должен быть принят в штыки всеми* только что перечисленными сторонами процесса банкротства. Если он хоть кому-то из них нравится, значит, этот кто-то, несмотря на все наши старания, нашел способ с помощью этого закона «получать» недолжную выгоду — и, стало быть, закон не идеален.

А из этого критерия, в свою очередь, следует, что этот наш идеальный закон никогда не будет принят — *здесь и сейчас* его просто некому лоббировать.

Но на всякий случай — и из принципа — продолжаем.

Не смей «управлять»!

Въезд в процедуру банкротства происходит только через исполнительное производство. Сама процедура банкротства состоит из двух этапов: временного управления и конкурсного производства. На первом этапе назначенный судом

управляющий делает два дела: в условиях моратория на исполнительное производство составляет на основании судебных актов окончательный реестр кредиторов (представляя в судебных разбирательствах интересы должника) и готовит конкурсную массу (что включает, например, активную работу с дебиторской задолженностью). На втором этапе происходит распродажа конкурсной массы — как положено, через РФФИ, причем ни один лот не должен превышать десятой части всей торгуемой массы.

Как заметил читатель, большая часть сказанного соответствует тому, что диктуют закон-98 и особенно закон-02. В чем же разница? Принципиальная разница — в объемах полномочий арбитражного управляющего. По нашей концепции, он не вправе не только творить изощренные операции с должником и его собственниками (помните, сколько времени спорили о том, вправе ли он эмитировать акции должника?) — он не имеет права хромой стул из конторы продать; никакую часть имущества отчуждать он не может. Ну и, понятно, он не должен и не будет вести никакой производственной деятельности. Ради такой деятельности на предприятии-должнике продолжает исполнять обязанности генеральный директор — разумеется, с сильно урезанными правами: он теряет право совершать сделки, отражающиеся на определенных счетах бухгалтерского учета. Первый счет (основные средства) трогать нельзя, пятьдесят восьмой (финансовые вложения) — нельзя, дебиторкой торговать нельзя — словом, нельзя трогать *имущество*. А «для всякой осторожности» все заключаемые гендиректором договоры должны будут иметь вторую подпись — арбитражного управляющего.

Могут ли при таких условиях управляющий, или полусвязанный гендиректор, или они оба в сговоре увести бизнес должника в другое место? Очевидно, нет. Могут ли они более или менее существенно повредить имущество должника? Очевидно, да — ну так на это есть всякие уголовные кодексы. И потом — пусть сохранится вводимый законом-02 механизм

страхования ответственности управляющих: как раз для исправления таких мелких грехов он и будет вполне адекватным.

Первый этап процедуры заканчивается представлением в суд двух документов: полного реестра кредиторов и полного описания конкурсной массы. На основе этих двух документов суд — совершенно механически, даже вида такого не делая, что рассматривает вопрос по существу! — принимает решение: если сумма на расчетном счете должника превышает общую сумму требований кредиторов, то кредиторы получают свое, а должник выходит из процедуры банкротства на волю паче снега убеленным. Если денег на счете меньше, чем сумма требований, — пожалуйста, брейтесь. В РФФИ.

Упомянутое нами выше требование к конкурсу — чтобы продажа имущества банкрота шла мелкими долями — также носит принципиальный характер. Дробность продажи необходима для того, чтобы никакой *административный ресурс* — даже если кем-то «схвачены» все судебные приставы России и весь штат РФФИ — не мог подать надежды с видимостью соблюдения закона забрать чужой бизнес.

Да, забыли сказать: ни на каком повороте никакого одобрения кредиторов ни для какой цели — не требуется! Когда гильотина запущена, ею управлять и незачем, и невозможно.

Можно и поспорить

Понятно, сколько возражений способно вызвать это предельно краткое изложение концепции идеального — на наш взгляд — закона. Часть таких возражений может быть снята только при обсуждении деталей второго, третьего и дальнейших уровней, но наиболее важные протесты можно обсудить, не вдаваясь в мелкие подробности.

Самый неминуемый протест — обвинение в чрезмерной жестокости: «Что же вы за кровопийцы такие? У должника 999 тысяч на счете плюс немереная куча имущества, долгов — миллион; а вы его — распродавать?» — Отвечаем. Должник попал в процедуру банкротства из рук пристава; если у него так уж много имущества, кто ему мешал расстаться с частью его еще в ходе исполнительного производства? Не захотел — пусть не жалуется, если-теперь потеряет все. — «Так смысл-то где? На конкурсе будет получена уйма деньжищ, долгу — всего миллион. Остальное кому?» — Отвечаем. Остальное — акционерам должника: то-то будет смеху, когда акционеры наконец хоть что-то получают! Ведь банкротство, по существу, есть не что иное, как работа ликвидационной комиссии (так сказать, *внешней*) в присутствии кредиторов; самое и оно — расплатиться с акционерами. Да ведь и еще надо сказать: если предприятие такое уж богатое, но из-за какого-то злосчастия наличных денег на расчетном счете нет — чего бы и акционерам помаленьку не скинуться?

Другой протест — сходного толка: «Какой-то у вас безысходный процесс получается: непонятно, есть ли вообще хоть какой-то шанс должнику выйти из него живым». — Да, это правда. В абсолютном большинстве случаев банкротство есть похороны уже почившего юридического лица. Похоже, что шансов выйти из процедуры живым (не считая упомянутой складчины акционеров) ровно два: либо у очень рентабельного бизнеса менеджмент был *и* вороватый, *и* неумный, то есть простое наблюдение за руками породит приток денег на счет, либо арбитражный управляющий сможет как-то очень удачно поработать с дебиторкой. Шансы что на то, что на другое — сами понимаете. «Так что же, вы совсем исключаете речь о спасении бизнеса через смену владельцев?» — В рамках процедуры банкротства — да, исключаем. Мы же с самого начала договорились, что эта процедура не занимается ничем другим, кроме доведения до логического конца исполнительных производств. А о спасении бизнесов очень

можно говорить, но в других законах и в рамках других процедур.

Третье возражение: «Нет, но дробить-то на десять частей за чем? Банкротится какой-нибудь вполне дееспособный заводик; я бы, может, его купил — и он бы работал. А вы его попилите на металлолом, он уйдет за гроши — какой в этом смысл?» — Отвечаем. Купите все десять лотов — и работайте. Но принципиально важно, что на любом из лотов у вас может оказаться конкурент, который взвинтит вам цену. Что же до грошей, которые будут выручаться за мелко попиленное имущество, то опыт приватизации дает никак не меньше — а, на наш взгляд, даже и больше — оснований утверждать, что как раз продажа большим куском бывает остро невыгодна *российскому* продавцу. Но мы, при всем том, готовы согласиться, что очень возможны случаи, когда требование мелких лотов действительно будет приводить к ощутимым потерям для кредиторов. Что делать — гниение в сфере банкротств зашло слишком далеко. Так всего несколько веков назад в Европе стали при появлении одного большого чумы сжигать целые деревни. Это было и крайне нерационально, и чрезвычайно жестоко — но черная смерть из Европы ушла.

Четвертое: «Что вы за чепуху придумали с двойной рудежкой — и арбитражный управляющий, и стреноженный гендиректор? Этого даже и понять-то невозможно!» — Отвечаем. Как учил нас покойный Шерлок Холмс, если резонно отвергнуты все варианты, кроме одного, то этот последний, как бы он ни был «дик и чуден», есть истина. Так и тут: если дать арбитражному управляющему право помимо исполнения двух его обязанностей еще и руководить текущей хозяйственной деятельностью, он оказывается перед соблазном (как показывает опыт применения закона-98, почти неодолимым соблазном) украсть все, до чего дотянется, то есть просто все. Если, напротив, храня арбитражного управ-

ляющего от соблазнов, мы запретим ему вести хозяйственную деятельность — и при этом не найдем, кому ее разрешить, процедура банкротства вырождается: исполнительное производство с лета переходит в конкурсное. Оно бы и не страшно — мы ведь сами только что говорили, что подавляющее большинство процедур банкротства так и так кончатся конкурсом, — но в такой абортированной процедуре опять же кроется соблазн. В таком случае судьбой должника единолично и бесконтрольно будет распоряжаться тот пристав, который начал по его поводу исполнительное производство: он найдет момент и способ сдать должника заказчику — и некому будет этому помешать (понятно, что в этом варианте заказчиком «убийства» будет конкурент должника). Вот и выходит, что наиболее соблазностойчивым оказывается предлагаемый нами тандем: один человек от кредиторов, один — от собственников.

И так далее.

Будем законы писать или глазки строить?

Изложенная концепция — на наш взгляд — позволяет осуществить почти полное искоренение взяточности из самого взяточемкого (он же — худший) закона России. (К сожалению, именно *почти*: с помощью предлагаемого закона, по-видимому, все-таки можно будет заказывать расправу с конкурентом. Утешений два. Во-первых, этот же закон и подскажет механизмы защиты от подобной расправы — то есть «заказать» можно будет только конкурента-растяпу. Во-вторых же — много ли на Руси водится конкурентов? Во многих ли секторах есть рыночная конкуренция? В большей-то части отраслей конкуренция чиновная — она не этим законом пользуется.)

Остается вопрос: можно ли столь же радикально обнулить взяточность и прочих областей законодательства — ну хотя бы того же банкротства градообразующих или тем более

социально значимых предприятий, о чем мы отказались говорить в начале раздела? Можно ли выбить из чиновных рук разоряющий страну бизнес на социальной проблематике? Черт его знает — тот факт, что за всю историю России ничего похожего сделать ни разу не удалось, не обязательно означает, что это вообще недостижимо. Может быть, и достижимо. Но всерьез обсуждать этот вызов просто нет смысла — пока описанный здесь идеальный закон о банкротстве не вступит в силу.

Глава 4

Былое

Промышленная очистка активов

Июль 1996

*Одна девушка может сделать десять сэндвичей.
Десять девушек могут сделать сто сэндвичей.
Тысячу сэндвичей может сделать только
МАНУФАКТУРА.*

Ни одно предприятие — кроме разве что крупнейших — не может быть спокойно за судьбу своей собственности.

Положение российских естественных монополий и их очевидно завышенные финансовые запросы приводят к весьма богатым возможностям и совершенно неожиданным реализациям.

Взаимные неплатежи вкупе с всеобщей задолженностью, например энергетикам, сформировали у руководителей средних и мелких предприятий *синдром председателя колхоза*, уверенного в том, что «если должны все, значит — никто». Но уверенность сельских тружеников основывалась на регулярных кампаниях по всесоюзному прощению долгов Госбанку, а нынешние акционированные промышленные колхозы таковой истории не имеют и вряд ли дождутся. Ожидая, что «кто задрал тарифы, тот и спишет долги», они не чувствуют, что вместе с ростом просроченной кредиторской задолженности (даже если она с избытком покрыта дебиторской) их имущество приобретает повышенную подвижность. Решение их судьбы — вопрос лишь времени.

Точка опоры

Объем *уже проделанной* естественными монополиями работы можно лишь в первом приближении оценить по суммарной величине просроченной задолженности российских предприятий и по количеству предприятий с намертво блокированными счетами. Не будем пытаться дать более точную оценку — ограничимся только эмпирикой очередного передела собственности.

Для его описания воспользуемся не самым удобным для российского учета, но весьма популярным в дискуссиях понятием — *чистые активы* акционерного общества.

Чистыми активами официоз считает «величину, определяемую путем вычитания из суммы активов организации суммы ее обязательств». При этом предприятия всех отраслей (кроме банковской) на практике автоматически включают просроченную дебиторскую задолженность в «сумму активов» в полном объеме. Определение дано приказом Минфина (№ 81 от 28.07.1995) только «в связи с введением в действие Гражданского кодекса». Предусмотренное этой методикой уменьшение чистых активов на величину создаваемых резервов неприменимо из-за отсутствия официального порядка формирования последних, но позволяет использовать это понятие для сравнительного анализа некоторых макро- и микроэкономических процессов.

Скучная проблема бухгалтерского учета начинает играть всеми гранями, когда за дело принимаются люди творческие. Площадка для этой игры — вся страна. Судите сами.

Примерная схема очистки

Идет некий сеанс одновременной игры, где белыми играет региональный кредитор-монополист с присными, а черными — местные производственные предприятия. Причем белые имеют право переставлять свои фигуры с одной доски на другую.

Во всех регионах игра идет примерно одинаково, поэтому назовем основное действующее лицо **N-энерго**. Его должниками являются все потребители электроэнергии **N-региона**. Часть из них представляет безусловный интерес для «прямого» инвестора и не находится в федеральной собственности (иначе можно вызвать преждевременный интерес со стороны, например, центральной прессы). При этом они имеют ненасытного потребителя, положительное сальдо в расчетах быстро растущую просроченную кредиторскую задолженность и — как следствие — арестованные счета.

Вначале некие аффилированные с **N-энерго** **физюрлица**, выбрав в качестве объекта, скажем, **АО «N-цемент»**, затевают модную ныне «расшивку неплатежей» — и передают родственному **холдингу** строго отмеренный объем просроченных долгов за энергию. Мерой является балансовая стоимость привлекательных частей активов **АО**, увеличенная раза в полтора (для покрытия издержек обращения и прибыльности заключительного этапа).

Мотивы поведения этих лиц могут быть самыми разными: от искреннего желания исправить ошибки приватизации до не менее искреннего желания вполне законным образом увеличить собственные активы. Соответственно, **холдинг** может быть «дочкой» или самого **N-энерго**, или указанных **физюрлиц**.

Долги собственно **АО** могут не быть превалирующими, но все остальные должники **N-энерго** должны быть кредиторами этого **АО**. Первоначальный безналоговый перевод долгов из **N-энерго** в **холдинг** (обеспеченный, например, встречным движением размещаемых акций **холдинга**) для обсуждения не интересен в силу очевидности и многовариантности. Такой обмен несложно сделать юридически чистым и прозрачным для неизбежных проверок, но именно его условия (например, соотношение номинала акций **холдинга** и цен размещения акций его различных эмиссий) будут определять: чьим станет имущество **холдинга** — энергетической компании (читай:

государственным) или частным. Сочетания возможны разнообразнейшие.

Так же несложно наладить обмен просроченными долгами под товарные потоки или просто под «расшивку неплатежей» с тем, чтобы свести весь объем полученных от энергетиков долгов к *дебиторской задолженности АО «N-цемент» перед холдингом*. Затраты и на этом этапе ничтожны.

Затем неизбежно наступает этап *убеждения* исполнительного органа АО в необходимости обмена сконцентрированных долгов на имущество общества. Не обсуждая возможных методов убеждения, отметим, что этот этап проходит тем легче, чем меньше акций контролирует гендиректор АО и чем меньше концентрация акционерного капитала у сторонних акционеров. Главной задачей этого этапа становится обеспечение кристальной чистоты перед законом процесса передачи имущества. Выясняется, что надежды законодателя на защиту имущественных прав акционеров в разделе «Крупные сделки» закона «Об акционерных обществах» весьма призрачны: объем сделки надо «подпихнуть» под 50 % балансовой стоимости активов общества, а это нетрудно сделать, манипулируя хотя бы все той же просроченной задолженностью.

В результате погашения части задолженности (искреннее сочувствие остальным кредиторам!) общество остается с громадной просроченной дебиторской задолженностью, но без имущества. При этом необходимые внешние приличия соблюдены. У предприятия несколько уменьшается валюта баланса — и только. Более того: общество от этой операции получит даже некоторую прибыль (что лишь увеличит задолженность перед бюджетом). Акционеры узнают суровую правду только на следующем общем собрании. А работники «N-цемента» и вовсе могут не заметить никаких перемен, кроме неожиданного начала выплаты зарплаты: ведь у холдинга приличные покровители, а главное — его счета не арестованы.

Маленькое морализирующее отступление

Неплатежи, таким образом, *в хороших руках* оказываются ничуть не худшими деньгами, чем самые заправские рубли, эмитированные Банком России. И самые безнадежные векселя *в хороших руках* оказываются куда как прибыточны. Замдиректора эмиссионного центра «Сибирьэнерго» в интервью «Эксперту», отбиваясь от упрека в том, что навывускал чересчур много векселей, говорил: «Мы не выпускаем пустые векселя! Под каждый вексель есть реальная задолженность». Читатель тогда, надо полагать, усмехнулся. Зря он усмехался.

Мы не раз писали о том, что правительство, чрезмерно туго зажимая собственно денежную массу, потворствует размножению *псевдоденег*, которые — для равновесия — практически совсем не контролирует. В свете нашей нынешней темы приходится расширить это противопоставление. Просто деньги — туго зажаты, постоянно контролируются, остаются деньгами в чьем угодно кармане. «Псевдоденьги» — размножаются как кролики, весьма слабо контролируются, обретают силу только *в хороших руках*. И тут уж каждый пусть решает по вкусу: в какой степени осознанно система допускает, чтобы очень весомая часть гуляющих по стране средств обращения работала на пользу *хороших рук*.

Ясно одно: процесс передела собственности, о котором мы говорим, властями не только не контролируется, но и не отслеживается. Хуже того — не может отслеживаться. Чтобы доказать это, вернемся к нашей теме.

Это колесо не повернуть

Описанная нами вполне рутинная схема работы с просроченной задолженностью приобретает апокалиптические черты с учетом повсеместности ее применения. Степень продвинутости различных N-регионов в реализации этих возможностей сильно разнится, но это никого не должно обнадеживать, поскольку процесс пошел не вчера.

Всем очевидна его причинно-следственная связь с предельной монополизированностью некоторых отраслей — и вместо энергетиков героями статьи могли стать газовики, железнодорожники, связисты (хотя и с меньшим успехом). Но существует еще одна причина, по которой столь массовое направленное движение имущества не стало поводом для сильнейшего волнения контролирующих экономику органов.

Эта причина — чистые активы, а точнее — разрыв между общепринятым смыслом этого понятия, определением и практической реализацией.

Общепринятым смыслом чистых активов можно было бы считать стоимость оставшейся после погашения всех обязательств собственности предприятия. К данному в начале статьи расчетному *определению* необходимо добавить, что из «величины, определяемой путем вычитания» в числе прочего нужно вычесть величину резервов, создаваемых для покрытия просроченных долгов и обесценения ценных бумаг, и как раз этого-то и не учитывает *практическая реализация* для всех отраслей, кроме банковской.

Без этого, казалось бы, незначительного параметра из второго раздела пассива баланса чистые активы равны собственному капиталу. Но нет ни отраслевых, ни даже общеэкономических весовых коэффициентов для создания таких резервов, а без них не сосчитать эту весьма полезную величину. Поэтому планировавшееся введение регулярной отчетности предприятий по этому расчету не позволило бы анализировать динамику перераспределения чистых активов между хозяйствующими субъектами. Повторимся: кроме как в банках.

И не только «естественные» монополисты

Кстати — о банках. Нынешняя активизация обменных процессов между парами банков, имеющая целью отделить «мух» от «котлет», активы «получше» от активов «похуже»,

стала очевидной для наблюдателей во многом благодаря методологической отработанности определения банковских чистых активов. Но и здесь, в банковской сфере, «щель» между чистыми активами и собственными капиталами небезынтересна, и происходящая в подобных щелях игра не менее плодотворна, чем описанные нами игры N-энерго.

Вспомним «неудобозабываемые» залоговые аукционы. Основным критерием допуска к участию была достаточность *собственного капитала* претендента (или его гаранта) для покрытия начальной цены. Считалось, что эта величина обеспечивает устойчивость победителя вплоть до грядущей продажи акций.

Но ведь беззатратное увеличение собственного капитала до нужной величины россиянами освоено в совершенстве. Делается это, например, так. Выпускается очередная эмиссия с небольшой номинальной массой — скажем, 1 млрд рублей (налог на операции с ценными бумагами — всего 8 млн) и необычной ценой размещения — 10 тыс. номиналов. При этом общая масса как бы привлекаемых средств, практически не облагаемых налогами, — 10 трлн рублей. *Как бы* — потому что есть партнер с зеркальной эмиссией. Взаимная купля-размещение акций при этом может не нарушить акционерный баланс сил внутри обоих эмитентов, ибо номинальный вес каждой эмиссии невелик, но собственный капитал законным образом увеличен без проторей и убытков.

Отметим два момента. Во-первых, при описанном финансовом «укреплении» рост чистых активов не соответствует росту собственного капитала из-за необходимости создания резервов для покрытия обесценения ценных бумаг. А во-вторых, чистые активы победителя аукциона *должны быть уменьшены* на взвешенную величину кредита правительству (пикантность определения величины веса заключена в заведомой невозвратности долга из-за отсутствия соответствующих бюджетных намерений на 1996 год).

Однако обо всем этом говорили, пожалуй, только аукционные неудачники, да и то — довольно невнятно.

Но аукционами жизнь не кончилась. Давление невозвратности залоговых кредитов на чистые активы банков-победителей (особенно в условиях неослабевающего внимания политической и экономической оппозиций) со временем не может не сказаться. Поэтому нам кажутся абсолютно логичными превентивные меры, которые просто обязан предпринять в таком положении любой банк: всякий бы на его месте стремился сбалансировать правительственного дебитора чем-нибудь соответствующего качества, например кредиторской задолженностью перед «неблагополучными» банками из первой двадцатки. Насколько мы правильно угадали стратегию залогодержателей, станет ясно, увы, гораздо позднее — после того как информация о виртуальных перемещениях чистых активов участников событий и возможных результатах этих перемещений станет публичной.

Все будет хорошо

Хотя речь нужно вести, конечно, не о том, как точнее сосчитать объем собственности, лавинообразно смещающейся к эксклюзивным банкам или заповедным отраслям. Уже отмеченные дефекты российской реализации понятия «чистые активы» просто не позволят этого сделать. Однако у этого инструмента есть и другие возможности, достаточные для качественного анализа макроэкономического перетока имущественных прав — и нам хочется верить, что мы смогли это показать на примерах.

Поэтому важно понять, что сегодня процесс стал необратимым и что сохранить свою собственность слишком большой части приватизированных предприятий (оставаясь при этом в правовом поле) не удастся. Сегодня эта собственность в терминах макроэкономики уже принадлежит избранным, хотя титул собственника еще и не поменяла.

Вряд ли Государственный комитет по антимонопольной политике (ГКАП) может найти более эффективный индикатор повышенной агрессивности тарифной политики естественных монополий. Но ГКАП, если судить по гомеопатической дозе его участия в экономике, самодостаточен в своих интересах и действиях и «створаживанием» собственности не интересуется.

Впрочем, наше антимонопольное законодательство ориентировано преимущественно на конкретные отношения между субъектами товарного рынка. Поэтому очень сложно — при отсутствии сильного желания — применить понятие *недобросовестной конкуренции* к ситуации на рынке долгов, все более плотно покрывающем Россию.

Судьба весовых коэффициентов, уменьшающих чистые активы предприятий, также незавидна, поскольку ни Минэкономики, ни отраслевые министерства сегодня этим заниматься не будут: первое и так уже не раз поставлено на место за «умное лицо», последние — из-за отсутствия необходимой квалификации.

В этих условиях остается уповать либо на генерально простое решение нового противовеса премьеру (после получения соответствующих полномочий), либо на естественный для любого цивилизованного политика отрыв от корпоративных интересов самого премьера, либо на привычно надежное указание, подготовленное экономическими советниками гаранта Конституции. Дай Бог, чтобы при этом не выросли скачкообразно чистые активы самого государства — уж очень удачно карта ложится: можно провести масштабную национализацию так, что никто не шелохнется.

Поэтому, может, не так уж и не правы те хозяйственные руководители, кто приобрел «синдром председателя колхоза».

Либерализация экономики: что же летит обратно — бумеранг или маятник?

Ноябрь 1996

Действия властей по сбору налогов называются сегодня чрезвычайными, да они и впрямь таковы. Власть в России действительно находится на грани выживания, и собрать недостающие бюджету средства для нее и правда — чрезвычайная задача. Но это не вся правда. Нельзя не отметить и того, как четко экстренные меры правительства вписываются в создавшуюся макроэкономическую ситуацию, очень мало связанную с тактическими движениями власти.

Суть этой ситуации заключается в гигантском *смещении чистых активов предприятий к трем государственным монополиям*. Речь идет о РАО «ЕЭС России», «Газпроме» и Министерстве путей сообщения (МПС). Только они готовы работать в долг, используя свою растущую дебиторскую задолженность для прямого давления как на своих должников, так и на бюджет. Остальные монстры командной экономики (нефтяники, угольщики и связисты), представлявшие угрозу для экономики рыночной, были в буквальном смысле слова разбиты в процессе приватизации — и вынуждены сегодня вести гораздо менее рискованную кредитно-товарную политику.

Не будем отвлекаться на вопрос о том, в какой степени давление на своих контрагентов осуществляется естественными монополиями целенаправленно. Прелесть ситуации в том и состоит, что ее следствия уже неизбежны, как падение брошенного камня, и очень мало зависят от субъективных намерений действующих лиц.

Равным образом уже неинтересно, был ли рост тарифов на услуги и цен на продукцию трех сверхгигантов и вправду чрезмерным или только казался таковым большинству потребителей. Так или иначе, но непосильные для большинства тарифы вместе с товарными кредитами (отпуском продукции и услуг без предоплаты) и стали причиной нынешней чрезвычайной ситуации, суть которой можно выразить так: создались *естественные монополии на чистые активы*. Активы большинства российских предприятий оказались как бы на круто наклонной плоскости, низводящей их в закрома Большой тройки.

Совершенно не красные долги

Во-первых, дебиторская задолженность Большой тройки непомерна: только у РАО «ЕЭС России» и только денежная составляет 47 трлн рублей; министр топлива и энергетики **Петр Родионов** говорит об общей задолженности потребителей ТЭКу в *300 трлн рублей*. Эту сумму уже очень удобно сопоставлять с размером бюджета, с величиной ВВП — мы (как увидит читатель, не случайно) предлагаем сравнить ее с суммарной рыночной капитализацией двухсот крупнейших предприятий России, на долю которых приходится более двух третей промышленного производства в стране. Так вот, суммарная капитализация этих двухсот *не дотягивает и до 170 трлн*.

Эта громадная задолженность, распределенная по региональным экономическим цепочкам, автоматически приводит к закупорке расчетных счетов мелких и средних предприятий. Вал неплатежей в стране при этом неизбежен.

Во-вторых, работа естественных монополий с долгами приватизированных предприятий приводит к активному перераспределению собственности этих предприятий. Руководство региональных структурных подразделений монополистов вполне освоило механизм обмена долгов на контрольный пакет акций потребителя (см. разд. «Промышленная очистка

активов»). Нынешняя экономическая ситуация уникальна в историческом плане тем, что позволяет Большой тройке проводить такое поглощение в массовом порядке (ей *почти все* должны) и — не торопясь.

Ведь нарастающая ударными темпами задолженность (по некоторым оценкам, в 1996 году она выросла вдвое) уже превысила критическую массу. Гражданский кодекс, требующий платить за просроченную задолженность по банковской ставке (ст. 395), и ставка рефинансирования в 60 % гарантируют, что расплатиться уже невыносимо. Вольно теперь главе Минтопэнерго предлагать снизить тарифы на 15–20 % — дело уже сделано.

И опять же — с макроэкономической точки зрения неважно, в какой степени *охотно* супермонополии идут на поглощение должников. Важно, что у них нет другого выхода. Поскольку они и сами кому-то должны: друг другу, банкам, тому же бюджету, — с дебиторской приходится так или иначе работать. Работать «так» (получать живые деньги) удастся все реже — вот и приходится работать «иначе», получая за долги собственность. Старых долгов это не вернет, но хоть обеспечит текущие платежи. Газеты то и дело сообщают, как «Газпром» берет или хочет взять ту или иную собственность за рубежом в зачет долгов тамошних потребителей. Как долго он *сможет* (подчеркнем: практически независимо от его *желания!*) воздерживаться от такого же рода действий внутри страны?

Мимоходом заметим, что простейшее решение, на которое до сих пор надеется часть директоров-должников, — взять да и списать все долги! — абсолютно недопустимо. Если бы вдруг оно все-таки было принято, можно было бы поручиться, что еще по меньшей мере лет сорок на российской земле не будут разумно вести дела. К счастью, насколько нам известно, такой шаг нигде всерьез и не обсуждается.

В-третьих, можно спорить о том, в какой степени бюджетная проблема в ее нынешнем виде есть следствие экономической

политики монополий. Но совершенно бесспорно, что *решение* этой проблемы довершит всевластие Большой тройки.

Действительно, все внутренние ресурсы, как губка, впитал в себя рынок ГКО. Денег на покрытие фактического дефицита бюджета на всем пространстве между границами этого рынка и Российской Федерации нет. (Пример тому — сентябрьский конфликт налоговиков с «Газпромом»: тот был вынужден для уплаты налогов вынуть из гособлигаций 1,5 трлн рублей. Получив эту сумму, бюджет потерял не меньше при восстановлении продавленного рынка.)

Значит, нужно искать деньги вне этого пространства. Но привлечением нерезидентов на рынок ГКО бюджетную проблему до конца года не решить: процесс весьма инерционен. Вот и должно было появиться что-то *временное и чрезвычайное*.

Запугиваемые «чрезвычайкой» предприятия так или иначе начнут расплачиваться. Да ведь уже и начали. Известно, что в процессе работы над первым «расстрельным» списком из семнадцати поначалу попавших в него неплательщиков в какой-то момент осталось десять, затем — шесть, потом — четыре. И исключение из списка производилось не под давлением, а после погашения в той или иной форме задолженности перед бюджетом. За счет чего?

За счет чистых активов.

Эти чистые активы укрываются на счете № 6 бухгалтерского учета в виде контрольных пакетов акций дочерних предприятий. Каждая материнская компания за годы реформ обросла «дочками», «внучками» и «правнучками», многие из которых сменили гражданство. Именно они позволяли откладывать на черный день тем предприятиям, которые имели хоть какое-то отношение к экспорту-импорту. Эти запасы все последние годы именовались неконтролируемым вывозом капитала из России (и именно они в совокупности и дают представление о национальных чистых активах, размещенных за границей РФ).

Когда на рынок ГКО допустили нерезидентов, имеющие заграничные паспорта «внучки» и «правнучки» российских предприятий этой возможностью не соблазнились из-за высокого риска вложений — откладывали-то на черный день. И вот этот день для руководства компаний наступил: реальным стало их отстранение от управления финансовыми потоками материнской компании, а значит и капиталом всего геральдического древа, вследствие введения на предприятиях временного управления. Нет более страшной угрозы для российского менеджмента! И кто смог — начал платить.

Показателен «сухой остаток» первого списка — те, кто не смог: «Москвич» (какой уж тут экспорт, какие накопления?), Ачинский глиноземный комбинат (экспорт есть, но не в те страны и не за те деньги) и несчастливый «Краснодарнефтеоргсинтез». У них не оказалось подкожных финансовых отложений.

Так дело пойдет и дальше: до сведения бюджета-96 у правительства осталось два месяца — и все это время будут составляться новые списки — и все, кто сможет, будут платить.

Обратная тяга

Но весьма вероятный тактический успех правительства не должен заслонить уплачиваемой за него цены — укрепления российских монополий. Бюджетный кризис разрешается за счет инвестиционного потенциала *других* хозяйствующих субъектов. Такое ослабление предприятий, помимо очевидного отрицательного воздействия на экономику, упрощает дальнейшее поглощение Большой тройкой своих клиентов-должников.

Поэтому — с учетом роли государства в управлении колоссами Большой тройки — можно говорить об активном процессе если не *национализации*, то *этатизации* российской экономики. Так что, похоже, оказались правы те, кто сомневался

в исторической устойчивости либерального управления экономикой. Если описанный нами процесс пойдет достаточно далеко, можно будет смиренно констатировать, что *приватизация, да и вообще либерализация экономики в России с первой попытки не удалась*.

Соответственно, обсуждать сегодня следует не перспективы продолжения либеральных реформ, более или менее «а ля МВФ», а скорее различные известные истории типы огосударственных экономик — и сравнительную вероятность возникновения подобных систем в России конца 1990-х годов.

Маятник российской жизни пошел в другую сторону не вчера. После демонстративного стремления к децентрализации финансовых потоков и либерализации управления ими, характерного для романтического периода массовой приватизации (1992–1994 годы), экономическая политика российских властей стала все более явно поддерживать концентрацию финансовых потоков и сосредоточение основных рычагов управления ими в немногих дружественных руках. 1997 год, как мы постарались показать, неизбежно станет пиком этой тенденции.

Сейчас правительство, как известно, готовит планы реструктуризации естественных монополий. Это первостепенно важное дело, и сколько-нибудь значительный успех в нем самым ощутимым образом улучшит экономический климат в стране. Но, по всей видимости, реструктурироваться будут уже не просто три естественные монополии, а три глыбы фатально концентрирующихся активов, в совокупности составляющие львиную долю народного хозяйства. Что ж, прекрасно. Может быть, вторая попытка приватизации пойдет успешнее. А может быть — изменится экономполитический статус правительства, а также алгоритм формирования этого правительства и субъект приносимой им присяги.

Суицид экономического либерализма

Январь 1997

О том, как средства опровергли цели

Экономическая политика, проводимая российским правительством с того самого момента, когда оно вообще начало проводить какую бы то ни было политику — с ноября 1991 года, — всегда официально называлась *реформаторской*, а неофициально и сторонники, и критики именовали ее *либеральной*. Первый титул ей принадлежит по праву, поскольку всякую перемену попустительски считать реформой. Что же до второго, то тут возникают некоторые сомнения.

Начнем с того, что основные цели либеральной политики в России не просто не достигнуты, а скорее уж «достигнуты наоборот». Взять хотя бы знаменитый монетаризм. Его целью является, как известно, оздоровление денежно-кредитной системы страны, у нас же его результатом как-то неожиданно оказалась прокаженная денежная масса, большей частью состоящая из самых третьесортных суррогатов. Или, скажем, либерализация цен. По идее, она должна была бы дать систему цен, определяемых спросом и предложением, а дала заведомо неравновесные, сознательно вздутые цены. Или, например, либерализация внешнеэкономических связей. В соответствии с теорией она должна бы обеспечить вывоз производственных издержек и приток капитала в страну, на худой конец — снижение потребительских цен. Мы же с удивлением наблюдаем ввоз издержек и неостановимое бегство капитала, а Москва — третий по дороговизне город мира.

Уже этого было бы достаточно, чтобы именовать российскую экономическую политику не либеральной, а хотя бы неудачно-либеральной, но дело обстоит еще сложнее. В целом ряде принципиально важных вопросов политика за эти годы совершила крутой поворот и сегодня уже является, по существу, *антилиберальной*. Однако обо всем по порядку.

Жесткий монетаризм — мутаген экономики

Главная цель либеральной политики, к которой мы все привыкли, — борьба с инфляцией путем зажима денежной массы. О том, что это ускоряет спад производства и усиливает банковский кризис, знают все, но, может быть, крепкий рубль и правда создаст долгосрочные стимулы роста? Ответ на практике не столь однозначен, как в теории. Дело в том, что долгосрочные стимулы появятся, если укрепление рубля больше лечит экономическую систему, чем калечит. Сегодня же похоже, что недостаток денег в обороте непоправимо портит экономику, порождая в ней системные риски и объективно вредные сущности, на фоне которых спад — не самое страшное из зол. Попробуем проиллюстрировать противоположность результатов задумкам некоторыми не очень заезженными примерами.

Система обращения. Парадоксальность антиинфляционной борьбы заключается в том, что по мере укрепления рубля качество платежно-расчетной системы России стремительно ухудшается. Недостаток рублей экономика покрывает вовлечением в оборот суррогатов.

Попытаемся оценить совокупный размер расчетных средств. Помимо «живых» рублей, следует учесть самый популярный суррогат денег — векселя. К сожалению, лишь объем эмитированных банковских векселей известен достоверно — более 30 трлн рублей. Оценки обращающейся массы коммерческих векселей варьируются в широких пределах — от 100 до 300 трлн

рублей. Учитывая значительный дисконт векселей предприятий, в качестве разумной оценки всей массы векселей можно взять 150 трлн рублей. Можно также приблизительно оценить объем обращаемой валюты, согласно данным ЦБ, норма монетизации ВВП с учетом валютной составляющей равна 24 % (без нее — 12,9 %). Из этого следует, что валютная денежная масса равна примерно 250 трлн рублей (\$45 млрд по текущему курсу), из них более двух третей — наличная СКВ.

Таким образом, совокупный объем расчетных средств в экономике России (без бартера, неплатежей, вэбовок и ГКО, которые достаточно часто используются как средства платежа, и всевозможных зачетов, участие которых в расчетах трудно численно оценить) приближается к 700 трлн рублей, из которых только 290 трлн (около 40 %) приходятся на официальный рублевый денежный агрегат М2.

У этой ситуации есть два неприятных аспекта.

Во-первых, в экономике разрушается единый круг обращения: в одном ее секторе, финансово-экспортном, сконцентрированы «хорошие» деньги, во всей другой экономике — «плохие». Причем курс последних постоянно падает, вызывая самораскручиваемое относительное обнищание их владельцев и эмитентов поневоле. Заметим, что либеральный канон подразумевает совсем другое: деньги равноценны для всех, а сфера обращения не может служить механизмом перераспределения создаваемой стоимости в чью-либо пользу.

Во-вторых, в системе денежного обращения возникает некомпенсированный транзакционный риск (при конвертации одних платежных средств в другие, при обслуживании оборота средствами неопределенной ликвидности), усугубляемый еще недостаточной ликвидностью как самих субъектов расчета, так и элементов расчетной инфраструктуры (банков, клиринговых и процессинговых центров). Конечно, хорошо, что «хорошие» деньги в расчетах перестали обесцениваться

инфляцией: это дало возможность экономить на реальных издержках денежного обращения. Но возрос риск, который, если по-хорошему, тоже должен как-то покрываться. Ранее он компенсировался возможностью наиболее активных субъектов экономики получать инфляционный доход, но в ближайшей перспективе денежная система России обречена на некомпенсируемый рост транзакционных издержек и рисков. Иными словами, подвергнуть инфраструктуру платежного оборота возрастающему риску — слишком высокая плата за укрепление рубля, зона обращения которого сужается. Либеральный канон подразумевает обратное: чем крепче национальная валюта, тем меньше риски и издержки обращения.

Альтернативная доходность. Теоретически ясно — низкая инфляция должна стимулировать инвестиции, ибо доход перестает обесцениваться. То, что для борьбы с инфляцией нужны неэмиссионные источники покрытия бюджетного дефицита, — тоже общее место. Понятно также, что пока разрыв между рентабельностью производства и доходностью финансовых рынков, раскрученной госзаймом, не сгладится, инвестиций не будет.

Здесь же мы остановимся лишь на одном аспекте, тесно связанном с тем, о чем говорилось выше. Почему все-таки государству не удается снизить ставку быстрее, чем падает рентабельность производства? Во многом благодаря тому, что денежный голод и плачевное состояние клиентской базы заставляют банки привлекать с рынка в пассивы самые дорогие ресурсы, средства населения, под неимоверно высокий реальный процент. Соответственно, банки-покупатели пользуются спросом лишь на бумаги с высокой доходностью. Мало доходные активы не в состоянии уравновесить дороговизну пассивов.

В итоге получается, что цена «хороших» денег определяется в результате циркуляции денег по очень короткому кругу считанными владельцами «хороших» денег — бюджет и десяток

банков. Причем, *во-первых*, тех же самых банков, которые наиболее активно «пылесосят» на депозитном рынке, *во-вторых*, тех же, которые обслуживают клиентов-экспортеров с «хорошими» же деньгами. А что пишут в учебниках? Цена денег определяется спросом со стороны *всей* экономики. Если это не так, то с точки зрения либеральной теории управление их ценой вредно, ибо так формируется еще один нерыночный механизм перераспределения стоимости. Помните, как МВФ воевал со льготными кредитами и нерыночными ставками по КО?

Западный инвестор и национальное безденежье

Не менее далеки от первоначальных задумок и наши дела во внешнеэкономической сфере. По идее, либерализация ВЭД должна привести к тому, что в стране более активно начнут формироваться источники внутреннего накопления. Волею рынка вывозится то, что в стране производится дешевле, чем везде, и ввозится то, что внутри производится с большими издержками. Но российские технологии крайне ресурсоемки, следовательно, конкурировать с мировыми издержками (при пересчете их на СКВ) производители могут лишь при обменном курсе, сильно завышенном относительно ценового паритета. Это азы. Понятно и то, что политика укрепления реального курса рубля, принятая на вооружение либералами, приводит к сближению обменного и паритетного курсов, что чревато иссяканием внутренних источников накопления (затраты растут), снижением эффективности экспорта, а впоследствии и абсолютной величины торгового сальдо.

Но при всем том классики экономлиберализма предпочитают все-таки укреплять национальную валюту в ущерб торговому сальдо. Канон подразумевает, что при крепком курсе валюты в страну потечет поток инвестиций: *во-первых*, из стран с более слабой валютой, *во-вторых*, из стран с твердой

валютой, так как стабильный курс и отсутствие инфляции дают полные экономические гарантии репатриации прибыли. Тогда рост притока капитала будет компенсировать снижение торгового сальдо, а в качестве бесплатного приложения страна получит новые, ввезенные, технологии.

Однако в российской реальности этого не происходит. Почему? На наш взгляд, в том числе и потому, что в безденежной экономике высоки не столько политические, сколько транзакционные риски. Можно ввезти технологию и даже квалифицированных рабочих. Можно всю продукцию отправлять только на экспорт. Но сырье-то придется покупать в России — иначе какой смысл размещать здесь производство. (Работа на привозном сырье, рабочей силе и полном вывозе продукта эффективна лишь в странах с низким уровнем налогообложения, к которым Россия не относится.)

Иными словами, как ни крути, а придется включиться в систему расстроенного денежного обращения и иметь дело с контрагентами, ликвидность которых низка до такой степени, что даже предоплата не гарантирует исполнения поставок.

То есть упрощенное и однозначно сформулированное, бескомпромиссно и прямолинейно исполняемое желание либеральных властей иметь в экономике денег поменьше, но качеством получше, оказывается не таким уж безобидным.

Собственность — это не кража, а контроль над финансовыми потоками

Самым, пожалуй, важным элементом политики правительства в годы реформ была реформа собственности. Массовая приватизация изменила экономический климат в стране, повлияв на все без исключения аспекты хозяйственной жизни. Впрочем, в ходе приватизации быстро выяснилось, что отношения собственности — это хорошо, но пока слишком теоретично. В современной российской жизни важнее

собственности оказался контроль над финансовыми потоками: дивиденды то ли будут, то ли нет (обычно — нет), а финансовые потоки текут без остановок, и тот, кто их контролирует, всегда может (и никогда не забывает) отвести ручеек в свой огород.

Так вот, в обеих ипостасях Большого Передела: в переделе собственности и в перераспределении контроля над финансовыми потоками, — государственная политика за эти годы сделала поворот оверштаг. Поначалу, в 1992–1994 годах, она была действительно либеральной: массовая приватизация делала все возможное и невозможное для *распыления* и финансовых потоков, и руководства ими в расчете на то, что в создавшейся таким образом конкурентной среде заработает, засучив рукав, «невидимая рука рынка».

С 1995 года в этой политике начались все более заметные изменения, и разразившаяся в конце его серия залоговых аукционов сделала уже общезначимым свершившийся разворот: отныне правительство деятельно способствовало концентрации собственности и денежных потоков в сравнительно немногих руках. Иными словами, политика правительства в ключевом вопросе собственности стала отчетливо *антилиберальной*.

Будущие историки, возможно, не сразу смогут объяснить парадоксальный факт: и распыление собственности и финансовых потоков в начальный период реформ, и уплотнение их в последние годы в правительстве проводили (или оформляли) *одни и те же люди*. Кто бы в 1993 году поверил, что команда Чубайса вскоре будет споспешествовать концентрации собственности, да еще в контролируемых государством руках? Но случилось именно так, и, если подумать, дивиться особенно нечему. *«Работали» над собой,*

Эта команда наглядно доказала свою способность мыслить макроэкономическими категориями, согласованно и эффективно работать с крупной собственностью в условиях быстро трансформирующейся законодательной среды — зачем же

ее менять? Новая команда, во-первых, могла бы оказаться не столь умелой, а во-вторых, самим фактом своего появления создавала бы риск лишней аппаратной борьбы за влияние. А то, что *маятник пошел в обратную сторону* не столько чьей-то волей, сколько силой обстоятельств, члены команды поняли, надо полагать, гораздо раньше большинства.

Случилось же это, коротко говоря, так. Сжатый в рамках либеральной политики бюджет очень скоро ощутил острую потребность в неэмиссионных деньгах, а взять их было негде — предприятия, лишённые в рамках той же политики господдержки, перебивались с хлеба на воду. И когда решили продавать имущество, то есть проводить денежную приватизацию, хоть какие-то реальные деньги оказались лишь у немногих банков, тесно связанных с государством. Нечего делать — стали концентрировать активы под аккомпанемент разговоров об эффективном собственнике.

В 1996 году картина решающим образом прояснилась. Если в пору залоговых аукционов казалось, что главными собирателями промышленности русской будут крупнейшие банки страны, то тут выяснилось, что на этом поле есть игроки и помощнее — могучая тройка наших *естественных монополий*: газовики, энергетики и железнодорожники.

Тарифная и товарно-кредитная политика этой Большой тройки стала одной из важнейших причин всеобщего кризиса неплатежей, в результате которого собственность подавляющего большинства российских предприятий стала текучей. Просроченная задолженность почти каждого позволяет кредитору-монополисту нехитрым способом совершить вполне законное поглощение должника (схема такого поглощения приведена в разд. «Промышленная очистка активов»).

Ситуация сложилась уникальная. Во-первых, дебиторская задолженность Большой тройки непомерна: *более 300 трлн*

рублей. А суммарная рыночная капитализация двухсот крупнейших предприятий России, на долю которых приходится более двух третей промышленного производства в стране, *не дотягивает и до 170 трлн.* Стало быть, монополисты имеют возможность не торопясь поглотить чуть ли не все народное хозяйство.

Почему не торопясь? Да потому что нарастающая ударными темпами задолженность уже превысила критическую массу. Гражданский кодекс, требующий платить за просроченную задолженность по банковской ставке, и ставка Центробанка в 48 % гарантируют, что подавляющему большинству должников расплатиться уже невыносимо.

О масштабах уже происшедшей таким образом концентрации собственности судить трудно: подобные поглощения происходят, как правило, под ковром, без смены титульного собственника. Но не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы установить, что процесс неизбежно будет идти ускоряющимися темпами просто потому, что *он возможен* — да и безальтернативен. Супермонополиям тоже надо жить. Старых долгов отбор собственности не вернет, но хоть обеспечит текущие платежи — точь-в-точь логика Временной чрезвычайной комиссии (ВЧК), собирающей недоимки в бюджет!

Очень своевременная временная чрезвычайность

Кстати, о ВЧК. Ее бурная деятельность в конце 1996 года придала процессу концентрации собственности дополнительный (так и хочется сказать — завершающий) толчок. Можно спорить о том, в какой степени «кассовый разрыв» бюджета есть следствие экономической политики монополий (не забудем, что все они прямо контролируются государством), но совершенно бесспорно, что чекистское решение

этой проблемы окончательно укрепит всевластие Большой тройки.

Что, в сущности, означала ВЧК? Что в условиях всеобщего кризиса неплатежей бюджет — единственный, помимо естественных монополий, всеобщий кредитор — стукнул кулаком по столу и потребовал, чтобы с ним расплатились. Деньги, которые у многих предприятий были отложены на черный день (в основном за рубежом) и которые у них, казалось, не выжмешь никакими силами, все-таки потекли в бюджет под самой страшной угрозой — угрозой банкротства, отстраняющего директора от управления финансовыми потоками.

Кстати, знаменитое размещение российских еврооблигаций на миллиард долларов странным образом совпадает во времени с пиком активности ВЧК. Так не этим ли объясняются дивные условия этого размещения, не очень оправдываемые присвоенным России рейтингом? Просто напуганные чекистами директора воспользовались случаем легально ввезти в страну деньги, необходимые для ухода из «расстрельных списков». Не будем настаивать на этой гипотезе, но, кажется, она стоит внимания.

Тактический успех правительства в выбивании недоимок оплачивается укреплением российских монополий. Бюджетный кризис разрешается за счет инвестиционного потенциала *других* хозяйствующих субъектов. Такое ослабление предприятий упрощает дальнейшее поглощение Большой тройкой своих клиентов-должников. Ведь *долги монополиям у предприятий остались*, а «подкожные», которыми в роковую минуту можно было бы попробовать откупиться, уйдут или уже ушли в бюджет!

Поэтому, с учетом роли государства в управлении колоссами Большой тройки, можно говорить об активном процессе если не *национализации*, то *этатизации* российской

экономики (назовем так не титульное, а сущностное вытеснение независимого собственника собственником, так или иначе подконтрольным государству). Уже в 1997 году данный процесс зайдет настолько далеко, что придется смиренно констатировать: **приватизация, да и вообще либерализация экономики в России с первой попытки не удалась.**

Главные конкуренты

Но это общий вывод, а небезынтересны и подробности. Ведь чрезвычайно существенно, кто еще, помимо естественных монополий, будет активно прибираться к рукам менее удачливые предприятия. Известно, что этим активно занимаются, под гордым флагом финансово-промышленных групп (ФПГ), крупные банки. Однако самую серьезную конкуренцию отраслевым монополистам могут составить не они, а некоторые из субъектов федерации: прежде всего известная десятка регионов-доноров. Ведь не банки (пусть даже и «оптовые»), а именно административные единицы способны *создавать из ничего значительную задолженность предприятий* — за счет эквilibра с местными налогами.

Еще полгода назад казалось, что к подобному поглощению нужно готовиться средним и мелким предприятиям, замкнутым на региональных потребителей, поскольку шум во время поедания бриллиантов из короны российской экономики не способствует пищеварению. И даже под фанфары отошедший к московскому правительству ЗИЛ казался лишь исключением, подтверждающим правило. Однако недавние события разрушили последние сомнения в грядущем переделе собственности.

В сентябре произошла пристрелка администрации Красноярского края к «Норильскому никелю», закончившаяся трехсторонним перемирием, временным, конечно. Затем пошло почти подряд:

- выкуп КамАЗа Татарией в счет зачета федеративных долгов перед ней (точнее говоря, *пока* КамАЗ отдал Казани только водозаборную станцию да свою стройиндустрию, но ведь лиха беда начало);
- требования московского правительства санировать «Москвич», а не вводить на нем внешнее управление «по ФУДН» (хотя эти требования никак не подкрепляются необходимыми для санации триллионами в городском бюджете, арбитраж 8 января уже отказал ФУДН в иске о банкротстве «Москвича»);
- усиление натиска нижегородского губернатора (на что уж знаменитый либерал!) на ФПП «Русхим» с целью отобрать у нее контрольные пакеты акций двух крупных заводов;
- прецедентный указ президента Башкирии о погашении местных долгов *четырёх нефтеперерабатывающих заводов* за счет эмиссии акций и передачи их в распоряжение республики (вот уж это — национализация в чистом виде, тем более пикантная, что эти заводы по масштабу никак не региональные).

Согласитесь, регулярность убедительная.

Роднит оба процесса образования задолженности крайний волюнтаризм в их регулировании: мне должны все, глотаю, кого хочу. И именно это дает необоримые преимущества в таком «портфельном инвестировании» территориям и естественным монополиям перед банками. Последние объективно обречены на поражение в борьбе за поглощение. Ведь для получения контроля над каким-то предприятием банку необходимо предварительно *публично* сформировать за счет тех или иных источников достаточный инвестиционный капитал. Кроме того, и после получения контроля (хотя бы и с рекордно минимальными затратами) финансовые группы остаются перед теми же проблемами — тарифным и местноналоговым давлением.

Напротив, механизм долгообразования таков, что позволяет и монополиям, и территориям не слишком беспокоиться по поводу размера рыночной капитализации очередного блюда. Сколько попросите, столько и нарисуем. И в этом — залог их конечного успеха.

Очевидно, что покрытие собственными капиталами банков, пусть и самых крупных, кассовых разрывов подконтрольных им предприятий долго продолжаться не сможет. И не будет. А будет то, что, собственно, уже происходит: *усиливающееся согласование финансовым капиталом инвестиционной политики и оперативного управления предприятиями с основными экономическими игроками, постепенно переходящее в полное подчинение последним.*

Сознательно воздерживаясь от суждений о том, хорош или плох описанный выше процесс в целом, одну оценку мы все-таки себе позволим. Если при поглощении «вольных» предприятий субъектами экономическими (будь то монополии или банки) можно говорить о плюсах и минусах происходящего, то при поглощении их субъектами административными ни о каких плюсах речь вести не стоит. Регионы не имеют ни финансовых, ни менеджерских ресурсов для облегчения жизни поглощенных ими фирм; все, что в конечном итоге получают предприятия, подпавшие под удельное рабство, — лишний хомут на шею.

Обустроенная Россия по-монополюски

В этом контексте уместно сказать о связи двух тенденций в строительстве Российского государства (центробежной и центростремительной) с двумя названными выше группами едоков, а через них — и с двумя же палатами парламента, связи очевидной и однозначной. Сегодня мы находимся в самом начале пути поиска будущего политико-экономического баланса между крупнейшими собственниками. Что можно сказать о ближайших шагах этого пути?

Президентские выборы показали достаточную степень зависимости российского электорального сознания от размера избирательного фонда сторон. Очевидно, что в дальнейшем эта зависимость может только усилиться. Поэтому концентрация собственности и финансовых источников у монополистов лишает сколь-нибудь реальной надежды на долгожительство любую федеральную партию, не имеющую доступа ни к одной из этих кормушек.

«Газпром» уже давно осознал себя силой, способной управлять не только бюджетом своей сети. И хотя его влияние на оперативное управление в государстве пока много выше, чем доля в нижней палате, будущее политической партии газовиков (которой НДР может и не быть) вполне безоблачно.

Политическая зрелость энергетической отрасли несколько задержалась, хотя с исторической точки зрения эта задержка минимальна. Первые признаки вступления энергетиков в борьбу появились в конце 1996 года, когда владеющему контрольным пакетом государству не удалось провести общее собрание РАО ЕЭС. Демонстрация осознания своей силы не заставила себя долго ждать: на недавнем Всероссийском съезде энергетиков из девяти принятых призывов только один не связан с необходимостью изменения действующего законодательства. К следующим выборам можно, пожалуй, гарантировать появление энергетической федеральной партии.

Разумеется, есть такого рода потенциал и у нефтяников, и у связистов, но он существенно меньше: раздробленные в приватизацию, эти отрасли вынужденно ведут существенно менее раскованную ценовую и товарно-кредитную политику. Поэтому вполне возможно, что двухпартийная система в России будет образована газовиками и энергетиками (с необходимой степенью мимикрии для соответствия электоральным интересам). Это кажется тем более вероятным,

что большинство современных партий не имеет достаточно-го финансового фундамента и держится на ограниченном количестве вполне прагматичных политиков. Разрушение этих партий — дело времени.

Для территорий-собственников остается в государственном механизме только трибуна верхней палаты с ее довольно ограниченными возможностями экономического программирования и, естественно, местные органы власти.

Что будет дальше

Маятник российской жизни пошел в другую сторону не вчера. После романтического периода массовой приватизации экономическая политика российских властей стала все более явно поддерживать концентрацию финансовых потоков и сосредоточение основных рычагов управления ими в немногих дружественных руках. В 1997 году, как мы постарались показать, эта тенденция неизбежно достигнет пика.

Сейчас правительство готовит планы реструктуризации естественных монополий. Это первостепенно важное дело, и сколько-нибудь значительный успех в нем самым ощутимым образом улучшит экономический климат в стране. Но надо осознавать, что реструктурироваться будут уже не просто три естественные монополии, а три глыбы фатально концентрирующихся активов, в совокупности составляющие львиную долю народного хозяйства. Что ж, прекрасно. Может быть, предстоящая где-то вдали вторая попытка приватизации пойдет успешнее. Но это — вдалеке.

А в обозримом будущем надо принять как данность быструю концентрацию экономики под эгидой очень немногих полугосударственных структур. В таких рамках, очевидно, не остается места ни экономическому либерализму, ни экономически свободным крупным собственникам, ни политическим

партиям, построенным исключительно на идеологии или харизме.

Практически независимо от личных настроений тех или иных деятелей можно гарантировать, что в 1997 году лейтмотивом экономической политики будет усиление государственного давления на деятельность крупных экономических объектов — и встречное возрастание их роли во всех аспектах жизни страны.

Разбиратели земель российских

Январь 1999

Если центральная власть и дальше будет игнорировать сепаратистскую самодеятельность регионов, федерация не сохранится.

Поговорим — хотя бы сами с собой — откровенно. Хотим мы распада России? — Нет, не хотим. — Есть опасность, что он все же случится? Есть ли в стране силы, в нем заинтересованные? — Да и да. — Есть ли надежные гарантии неуспеха этих сил? — А как же! Единая денежная и налогово-бюджетная системы, федеральный контроль над жизнеобеспечивающими естественными монополиями. Все это делает выход из единого экономического пространства либо невозможным, либо самоубийственным предприятием для любого региона.

Но мы же собрались говорить откровенно. Естественные монополии, конечно, сильная вещь, но они могут подвергнуться расчленению, перейдя под контроль региональных властей, — как мы увидим ниже, для атаки на них практически все готово. Единая денежная система уже сегодня не так чтобы очень едина. Мы даже не о том, что эмитентом доброй половины средств обращения, обслуживающих российскую экономику, является не Банк России, а нечиновные хозяйствующие субъекты. Есть и более ароматные явления. Вот, например, Чувашия принялась, по существу, печатать свои деньги: постановлением правительства республики на ее территории вводятся «складские свидетельства». Чуваши не говорят прямо, что собираются вытеснить ими российский рубль, но очень прозрачно на это намекают. По сообщению «Известий» пресс-служба чебоксарского правительства заявила, что складские свидетельства «предполагается сделать

более привлекательными, чем другие платежные средства, *в том числе рубли*» (курсив, разумеется, наш. — А. В., А. П.).

Что же до единой налогово-бюджетной системы, то, к сожалению, она не только объединяет страну, но и создает весьма мощные стимулы для сепаратистских устремлений. Об этом и пойдет речь в данном разделе. Коротко говоря, эта система задает столь высокий *минимальный* уровень бюджетного воровства (в более деликатной формулировке — неэффективного использования бюджетных средств), что для продвинутого субъекта федерации вполне осмысленным делается вопрос: а не дешевле ли будет — при всех очевидных минусах — выделиться из этой системы, хотя бы для того, чтобы уровень воровства и неэффективности определялся *только* местными аппетитами и дарованиями?

Все это совершенно не смешно. С 1 января Татарстан переходит на исполнение бюджета через собственное казначейство, которому предполагается для такого случая передать ряд функций казначейства федерального. Если это не шаг к сепаратизму, то мы — два папы римских. «Казань никогда не пойдет на отделение от России». Господи, да почему? «Она находится в полном окружении исконно российских территорий». Ну, будет анклав — что в этом страшного? Вон, Лесото живет себе и живет. Так даже проще — не надо тратиться на оборону: Россия-то не нападет, а если нападет, то траться, не траться... И уж во всяком случае содержание — в самом широком смысле слова — Шаймиева с его аппаратом будет намного, очень намного дешевле содержания Ельцина и Примакова с *их* аппаратами *плюс* того же Шаймиева. Что же вы думаете, если такие рассуждения не звучат по телевизору, их и в головах нет?

Межбюджетный беспредел

Сложившаяся после Беловежья система формирования региональных бюджетов в первую очередь была призвана за-

страховать вновь образованную Российскую Федерацию от повторения судьбы Союза. Она, безусловно, выполнила свою функцию в тяжелейших условиях, удержав почти все субъекты, несмотря на тактически гениальную формулу Ельцина «Берите столько суверенитета, сколько сможете». Но вскоре выявилась неприятная черта трансфертной системы перераспределения дохода регионов: отсутствие автоматизма в функционировании его московского блока. Минфиновские чиновники (и не только они) быстро научились извлекать пользу из выполнения предельно простого по замыслу процесса раздачи регионам их же собственных денег.

Нарастающее социальное напряжение дало региональным лидерам новый эффективный инструмент в борьбе за причитающиеся им средства. Перепалка в духе: «Москва не дает нам денег» — «Зарплату вам платят регионы», где у каждой стороны своя правда, привела к очередному скачку макроэкономической грамотности населения. Теперь словом «трансферт» только в яслях не пугают. В обществе сложилось устойчивое убеждение в том, что существует неразрывная связь между бюджетным воровством (в центре и на местах) и процессом перераспределения денег между донорами и акцепторами. И — нечастый случай — общественное мнение совершенно право. Да, трансферты, демонстрируя единство налогово-бюджетной системы, создают основу федерализма, но это благое влияние все заметнее нейтрализуется негативными следствиями системы бюджетного перераспределения.

Самим фактом своего существования трансферты многократно увеличивают объем денег, распределяемых избранными чиновниками. Не надо быть ни теоретиком, ни практиком коррупции, чтобы понять: величина «теряемых» средств зависит от их исходного объема нелинейно; грубо говоря, из трех рублей больше полтинника не сэкономишь, а из трех миллионов можно взять два. (Да ведь и еще не забудем: это трансфертное половодье очень способствует и достаточно — э-э-э — неэффективному обращению с внешними

кредитами: их становится хуже видно в таком потоке.) К тому же и ответственность чиновников обоих уровней за целевое расходование денег из фонда поддержки регионов заметно ниже, чем за деньги из прямых источников формирования бюджетов. И наконец, именно трансферты вызывают обостренное раздражение центра и рост центробежных настроений из-за почти официально навешиваемых на них произвольных условий. (Конечно, эти условия отнюдь не всегда одиозны: «Что ты там такое заявил? Больше такого не заявляй, а то денег не получишь!» Бывает, что обусловленностью трансфертов центр добивается проведения регионами экономических реформ, но очень уж конституционным такой метод воспитания все же не назовешь.)

До недавнего времени центр практически игнорировал очевидный рост сепаратистских настроений — в том числе и в бюджетной сфере. Теперь тактика, похоже, изменилась. Воспользовавшись тем, что обострение экономического сепаратизма, особенно заметное в национальных республиках, совпало по времени с шумными антисемитскими кампаниями, центральная власть сочла удачным ходом объединить эти два явления в одного заведомо презренного врага — и принялась клеймить «проявления крайнего национализма». Насколько это поможет в борьбе с антисемитизмом — вопрос, выходящий за рамки данной статьи, а вот сепаратизму от этого шиканья будет ни жарко ни холодно. Во-первых, потому, что в проблемах, имеющих экономическую природу, филиппики вообще мало что решают. Во-вторых, потому, что в сепаратистских побуждениях Казань или Уфа отличаются от Красноярска или Кемерово скорее количественно, чем качественно.

Мы не сомневаемся, что центральная власть все это прекрасно понимает. И если она тем не менее считает возможным то игнорировать, то заклинять экономический сепаратизм, так это из-за уверенности в том, что как там регионы ни ершатся, а центр пребудет вовеки. Основанием же для такой веры,

помимо налогово-бюджетной системы, служит владение естественными монополиями. И это, пожалуй, главная ошибка. Мы обещали это доказать. Приступаем.

Приморский детектив

Существует детально разработанная технология перехвата финансового контроля над *всеми прибыльными предприятиями субъекта федерации*. Суть ее в следующем.

На первом этапе руководство субъекта концентрирует в своих руках векселя, выпущенные или индоссированные местной энергетической компанией. Наиболее дешевым и удобным инструментом для этого являются зачетные платежи предприятий в региональный бюджет. На короткий (не более полугода) срок самыми популярными деньгами в регионе должны стать *энергетические векселя*, что, безусловно, выгодно всем, в том числе и энергетикам.

После концентрации в губернском сейфе критической вексельной массы часть векселей опротестовывается — и инициируется процесс банкротства соответствующего «Регион-энерго». На стадии внешнего управления энергетиками региональные власти получают возможность банкротить почти все предприятия региона *с двух рук*: за счет долгов в местный бюджет и долгов за потребленную энергию. Учитывая влияние губернско-республиканских властей на местные арбитражные суды, можно не сомневаться в действенности этого инструмента.

Следующий этап ограничен временными рамками внешнего управления при банкротстве. За отведенный законом год поставленные региональной властью внешние управляющие должны вывести активное имущество наменного к поглощению предприятия из-под контроля предыдущих собственников и защитить от продажи на финальной стадии банкротства. Не будем раскрывать ноу-хау изобретателей, скажем лишь, что эта цель достигается с помощью обычных

образований «дочек» и выпуска в них дополнительных акций. Но результат оказывается зубодробительным: в итоге манипуляций с уставными капиталами новых предприятий все акции остаются в холдинге «мама—дочки», но контроль над «дочками» со стороны материнской компании теряется — «дочки» начинают контролировать сами себя! При этом реальное управленческое право *навечно* принадлежит некой управляющей компании, *не владеющей ни одной акцией управляемых предприятий*. Тут оказывается невозможным даже политическое (то есть неуголовное) обвинение со стороны федеральных властей в воровстве. Все сделано по закону, а «Регион-энерго» и все ведущие предприятия региона (вне зависимости от исходного состава акционеров в каждом из них) полностью контролируются одним юрлицом, имеющем на балансе два стула и телефон. Кто контролирует это юрлицо? Догадайтесь.

Детальность проработки этой технологии производит сильное впечатление. Особенно на людей, облеченных ныне властью, что стало вполне очевидным, когда в Приморье произошла утечка технологии. Точнее, даже не технологии, а ее краткого изложения, подготовленного компанией «Минфин». Судя по последним событиям, связанным с банкротством «Дальэнерго», приморские специалисты получили задание самостоятельно реализовать такой проект, закрывая белые для них пятна собственными разработками или, скорее, авторитетом тамошнего губернатора.

Если это и впрямь так, то в 1999 году можно с высокой степенью вероятности прогнозировать волну банкротств крупнейших предприятий Приморья. Причем позиции «Дальэнерго» и губернатора в каждом случае будут мило близки — на радость задерганным обывателям.

Итак, Приморье вместе с Казанью и еще двумя-тремя регионами оказываются наиболее продвинутыми на пути перехвата у центра всех (а не только бюджетных) финансо-

вых потоков вместе с собственностью. Самым убедительным стимулом к подражанию для остальных регионов является полное бессилие центра в защите своих интересов. Природа этого бессилия не в отсутствии воли или квалификации исполнителей — Чубайса безвольным дилетантом не назовешь.

Ну а после того как будут поставлены под губернаторский контроль основные узлы, создающие в регионе добавочную стоимость, неизбежно придет черед железных дорог. Самоуверенность путейских чиновников только облегчит поглощение местной дороги, поскольку для современных технологий исходная гражданско-правовая форма должника — будь он хоть трижды государственным — абсолютно не важна. Вот тогда недавняя читинская история с отключением энергопитания железной дороги за долги перестанет казаться нелепым, кошмарным сном.

Стало быть, уже в обозримом будущем из гарантирующих единое экономическое пространство естественных монополий в руках центральной власти останется только «Газпром». Из множества оговорок, которыми следовало бы снабдить это утверждение, приведем наиболее невинную: если некто располагает ровно одним орудием, то рано или поздно неизбежно возникнет вопрос: кто чье орудие?

Разделяй, пока не отделились

Нам кажется, что федеральной власти пора согласиться с очевидным для многих тезисом: во время кризиса тему экономического сепаратизма нельзя объявлять запретной. Честная попытка спрогнозировать эволюцию устройства российского экономического пространства выявляет тройную «изм»-альтернативу: *федерализм, конфедерализм и сепаратизм*. Сознвая спорность этого утверждения, заявим: проведенная нами оценка показывает, что *крайние варианты имеют примерно равную вероятность реализации*.

Если же федеральные власти будут сохранять спокойствие небожителей и при дальнейшем развитии, например, сепаратных конструкций республик Поволжья, то с полной уверенностью можно сказать: экономической конфедерации на территории нынешней России не будет. Хорошо это или плохо, будет вполне ясно лишь через несколько лет. Но в этом случае нам надолго гарантировано увлекательное зрелище соревнований по перетягиванию каната-собственности, а рядовые налогоплательщики смогут развлечься игрой в орлянку, выбирая себе подвид российского гражданства.

Конфедерализм может *начать* становиться реальной альтернативой, только если центр сам предложит его субъектам или не пройдет мимо их будущего предложения. Такое предложение обязательно будет, однако чем позже его сделают регионы, тем больше будет в нем под конфедеральной шкурой волчьего сепаратизма.

Конфедеральное устройство многовариантно по сравнению с крайностями и гораздо сложнее технологически. Сегодня у центра есть возможность предложить такой его вариант, который содержал бы *возможность* возврата к федерализму.

Таким вариантом могло бы, например, стать дробление общероссийского трансфертного потока на восемь-десять межрегиональных обменов — по количеству регионов-доноров. Центру можно было бы оставить только его бюджет, избавив Минфин от многотрудной обязанности по одариванию бедных родственников Москвы. Пусть прибавку к их пирогу, состоящему из местных налогов, напрямую дают более удачливые сегодня регионы. Тут важно отметить, что состав этих восьми-десяти групп «однокашников» заведомо будет меняться от года к году в соответствии с изменениями конъюнктуры, благоприятной для одних и неудачной для других регионов. Поэтому демаркационные линии между ними не будут закостеневать, порождая новые соблазны раскола.

Конечно, задача оптимального дробления имперской финансовой системы не имеет простого механистического решения. Еще более сложна техника сопряжения единой налогово-бюджетной системы с любой конфедеральной концепцией экономики. Но цель стоит того, чтобы профессиональные экономисты и системотехники оторвались на время от обслуживания корпоративных задач.

Разговорим губернаторов!

Сегодня в России слишком много интересов концентрируется вокруг конфликта двух идей. С одной стороны, самим фактом укрепления регионами своей имущественной базы демонстрируется необходимость экономического конфедерализма (по сути тяготеющего к сепаратизму). Совершаемые при этом ритуальные танцы по поводу нерушимости федеративного устройства все больше напоминают вассальные приседания перед слабеющим на глазах сюзереном. С другой стороны, публику вполне правдоподобно пугают последствиями такого сепаратизма, проводя убедительные аналогии с распадом Союза.

Этот конфликт даже для новейшей истории России не нов. Вспомним, как десять лет назад общество недоуменно восприняло идею жителя одного американского штата о том, «как нам обустроить Россию», отпустив из нее на волю тех меньших братьев, которые захотят уйти. И как быстро — меньше чем за три года! — мы надолго потеряли возможность унии трех славянских государств и казахстанского севера. А ведь отторжение поставленного Солженицыным диагноза о болезни советского общества не было результатом анализа. Все те критические три года оно держалось только на генеральносекретарском шаманстве, глубина которого выражалась формулой: «Чур меня!». Конечно, мыслитель в анализе современного ему общества и в описании желательной равновесной структуры России был гораздо сильнее, чем в методических указаниях по отрубанию голов для

ее реализации. Конечно, он выглядел не вполне практичным в описании механизмов преобразования. Но этого-то от него и не требовалось. Однако тогда мы не собрались подумать о том, как разработать такие механизмы, — и теперь не думаем.

Результат может оказаться столь же печальным. Потенциальная энергия экономического сепаратизма уже огромна и увеличивается с каждым днем. Ни один из включенных центральной властью механизмов не задевает базовых причин этой революционной ситуации. Похоже, что в силу объективных причин Москва уже не способна навязать регионам схему реконструкции экономических отношений.

Эта энергия сепаратизма сама собой не рассосется. Ее нужно купировать активными действиями. Для общества совершенно необходимо (хотя и недостаточно) эту проблему проговорить. Но практический толк от разговоров в Думе и в правительстве, а тем более в прессе весьма сомнителен. Только место регулярного сбора апологетов сепаратизма, Совет Федерации, является той площадкой, где даже просто открытый разговор об этой проблеме станет свистком, понижающим давление. Правда, просить губернаторов и президентов высказаться на эту тему бесполезно: это неизбежно приведет к конфликту интересов, весьма непопулярному в верхней палате. Их нужно заставить публично заявить о своей позиции, устроив настолько жесткую провокацию, насколько это будет необходимо. Сегодня это может сделать только исполнительная власть. Через год-другой обойдутся без нее.

Заявленные до срока сепаратистские намерения неизбежно встревожат самих губернаторов — они ведь точно знают лишь про собственные «маленькие хитрости», но, как и все мы, не видят как следует всей картины. Это станет тем фальстартом, который только и позволит вместе дожить до экономического подъема и появления независимых центров создания прибавочной стоимости.

А что на хорошо сделанную провокацию региональные вожди пойдут — вполне бесспорно. Вспомните, как жестко высказались татарский и башкирский президенты по поводу очередного подписания Ельциным и Лукашенко бумаг по объединению России и Белоруссии. А ведь повод-то был не из самых хватающих за душу: не менее чем в четвертый раз заявляем об унии, а на деле пока ничего не происходит.

Если браться за дело всерьез, то идеальной провокацией центра могло бы стать предложение спектра вариантов, всех мыслимых сочетаний административной и экономической конструкций гражданского общества России. Подкрепленное достаточно убедительно заявленной угрозой проведения референдума, оно заставило бы подковоернолоббистский ныне орган заняться наконец поисками общественного согласия.

Если это или нечто подобное не произойдет, мы обречены повторно пройти все, что пережили за последние десять лет. И референдум может повториться, опять организованный по инициативе снизу, и вновь в условиях, когда реальная собственность и финансовые потоки практически полностью экспроприированы у центра.

А ведь референдумов с неизвестным заранее результатом в России не бывает.

Послесловие

О. И. Генисаретский,
руководитель Центра синергийной антропологии
ГУ «Высшая школа экономики»

На фронтире стратегической словесности: юридическая аналитика, диалоговое моделирование и вопрос о понимании стратегий

Публикации вошедших в эту книгу статей на страницах журнала «Эксперт» не остались незамеченными. Ими зачитывались, но, кажется, более как интеллектуальными триллерами, чем как текстами исследований, основанных на довольно строгих методологических правилах и отточенных аналитических инструментах. Впрочем, не стоит забывать, что разные по своим практическим целям *исследования* и *расследования* происходят из одного и того же познавательного корня и весьма прихотливо пересекаются в текстах публицистического толка. В таких именно случаях, прежде чем погрузиться в пристальное аналитическое чтение, стоит обратить внимание на жанровую структуру текста — благо в нашем случае она весьма витиевата и энергично-упруга.

В книге чувствуется жанровая интрига, основанная на собственной памяти избранных авторами жанров и нескольких независимых линиях развертывания их доказательств и опровержений. Читательски следуя этой ощутимой интриге, мы, вместе с авторами, приблизимся к фронтиру современной организационно-управленческой практики — к *проблеме понимания и понимающего согласия*.

Проектно-юридические аналитики

Большая часть книги — особенно первые и последние ее разделы — закручена вокруг исследовательской стратегии, названной в последней по времени статье «методой Кювье»: столкнувшись с проблемой, предлагать концептуальную гипотезу, развивать непротиворечивую концепцию и затем, наблюдая за поведением действующих субъектов, формирующих данную проблемную ситуацию, «слушать, что говорит практика», интерпретируя наблюдаемые факты (действия этих субъектов и сложившееся положение вещей).

Следуя этому пути, авторы шаг за шагом публиковали свои аналитические исследования, микро- и макропрогнозы развития социально-экономической ситуации и делали предложения по «плановременному исправлению законов», проектно-юридическому совершенствованию правоустанавливающей и правоприменительной практики. Постепенно подступаясь, как мне представилось, к формулированию принципов *правовой политики* государства.

Вместе с тем по ходу чтения мы сталкиваемся с поучительной неожиданностью их организационно-юридического анализа: действующие субъекты (любой степени общности) начинают терять определенность юридического лица, — что составляет аксиоматическую предпосылку позитивной юридической мысли, — и в тексте выступают под условными именами «чиновников», «бюрократов», «бизнесменов», «финансовых операторов», «оперов», «чекистов» и т. п. Я не думаю, что это дань публицистической потребности, щедро одарившей нас «олигархами», «компрадорской буржуазией» и прочей демонизированной нечестью. Еще менее мы этим обязаны институциональному всеобучу, пережитому нашей экономической мыслью и постаравшейся расширить горизонты своего социологического воображения (ведь как-никак современная социология обладает достаточно развитым концептуально-терминологическим аппаратом). Скорее потребность

в условных, нарицательных именах имеет более глубокие причины: после «революции менеджеров», утвердившей за управлением достоинство *ведущей деятельности* современности, именованья признанных в ней функций и субъектов-персонажей, действующих в реальных управленческих ситуациях, перестали укладываться в принятые юридические, да и социологические номенклатуры. Чтобы всматриваться в практику, идентифицировать новоявленных субъектов действия, интерпретировать их поведение, выносить оценочные суждения об их влиянии на развитие событий — и выражать все это текстуально, — часто приходится искать хотя бы условные, метафорические имена. Такова неизбежная цена навигационного порыва к обновлению видения, повесток дня и формулированию миссий, обладающих творческой энергией? Пусть так, «танки грязи не боятся»!

Возвращаясь к методологическому содержанию сей поучительной неожиданности чтения, стоит задать вопрос о *репрезентативности* исследования по «методу Кювье», отвлекаясь от процедурных ограничений на доступность правоустанавливающей инициативы. Хотя успех *уверенного понимания*, именуемого репрезентацией, во многом зависит от информационной прозрачности анализируемой проблемной ситуации, он не сводится к ней. Положение вещей и статус его фактичности констатируется только аналитическим суждением, а оно, в свою очередь, зависит от понимания, выражающегося в употребляемых понятиях, и от ценностной установки понимания. Уверенность понимания развития событий — в основе своей — ценностная уверенность, не гарантированная декларируемыми благими намерения, от кого бы они не исходили.

Впрочем, это вопрос с оплаченным ответом. К теме понимания авторы вышли собственным путем и, что важно, как раз в организационно-управленческом контексте, — рассуждая о причинах непонимания обществом стратегии государственного строительства, осуществляемого федеральной властью.

Ключевая гипотеза, или Перипетии одного события мысли

Гипотеза Волкова/Привалова о том, как некое сообщество «операторов», где-то в середине 1980-х годов, сначала приступило к консолидации огромных финансовых ресурсов за пределами страны, затем организовало их возвращение внутрь ее и приступило к построению финансово-правовой системы частнособственнического капитализма, сами авторы при рождении окрестили «параноидальной». Из чтения статей, где она прямо упоминается, складывается, что возникла она по случаю, то есть в связи с внезапным событием мысли, пришедшим извне жанровых рамок аналитической мысли. Недаром сами авторы не раз признавали ее — в этих рамках — недоказуемость (вкуче с эвристической силой). Гипотеза как гипотеза, мало кого задевшая бы в наше густо унавоженное конспирологическими изысками время. Однако если зацепиться за нарицательные имена, данные персонажам гипотетически предъявленного процесса, начинаешь ощущать их подспудную аффективную заряженность, истоки которой также лежат за рамками аналитики как таковой.

И тут возникают вопросы, от ответов на которые зависит аналитическая оценка репрезентативности и объективного содержания самой гипотезы. Например, была ли целью операторов именно трансплантация финансово-юридических институтов частнособственнического капитализма; или также модернизация институтов государственного управления, ныне вновь именуемая «госстроем», и купирование угроз проигранной «организационной войны»; или, сверх и прежде всего, «возвращение России», обновляющее «собрание» ее как «русского мира»? Разница между этими, да и другими часто звучащими «или» — это разница между аксиологическими и онтологическими горизонтами практикуемой мысли, определяющими возможное содержание предложенной гипотезы. От выбора того или иного «или» зависит также и то, есть ли у авторов (и читателей) основания вменять номинируемым

нарицательным персонажам свои гипотетически формулируемые иски; или же увидеть, допустить в их гипотетической репрезентации наличие стратегического курса, пошаговая реализация которого способна прорасти в «достаточно хорошую стратегию»; или же придется удовольствоваться эвристической значимостью однажды вспыхнувшего яркого, аффективно-заряженного, а потому весьма суггестивного образа? Ясно, однако, что ответ на подобные вопросы лежит за рамками собственно аналитического дискурса, так и аффективно-ценностных значений нарицательных имен.

Самая бесплодная стратегия чтения в предложенном нам случае — это относиться к именам нареченных персонажей как к «фигам в складках текста». Речь в нем идет, как подсказывает мне читательский опыт, о промежуточных, относительно устойчивых состояниях в процессах перемен, почему-то — не иначе, как по стратегическому малодушию — называемых «переходными». А также о возможностях их изживания на следующих этапах (при условии сохранения управляемости этих самых процессов). Так можно было бы представить себе организационно-управленческую перспективу, текстуально схваченную в «параноидальной гипотезе».

И это тоже была бы ситуация чтения/вслушивания, письма/говoreния в публичной коммуникации, будь температура общительности в ней хоть на несколько градусов выше. А поскольку никакой публичной полемики вокруг этих вопросов до недавнего времени не наблюдалось, авторы почли за благо прибегнуть к услугам еще одного оригинального жанра: к имитации диалога между уже сжившимися друг с другом — на страницах их статей — нарицательных персонажей.

Диалогические модели

Ровно в этой точке их размышлений в жанровой структуре книги происходит существенный перелом: от строгой проектно-юридической аналитики — к диалогическому моделированию

развития событий, названному авторами «апологиями». Здесь на текстуальной сцене появляются новые фигуранты: «вопрошающий» искатель понимания, «государственник», также разделяющий необходимость понимания и ценностного согласия, вспомогательные, но столь же условные персонажи, как то «силовик», «либерал», и, судя по всему, еще и скрытые персонажи, вроде «правого консерватора» или «радикал-либерала», суждения которых вкраплены в текст тихой сапой.

Хотя авторы и подчеркивают, что инициированный ими жанр проблемно-аналитического диалога не очень-то похож на диалог сократический, память жанра вновь дает о себе знать. В частности в том, как старательно они соблюдают распределение текстовых масс между участниками прений и равную убедительность их доказательств и опровержений. Что ж, жанр — требовательная вещь, и требовательность его оказалась, скажем так, престранным образом плодотворной.

Поскольку в положение «условно поименованных» на этот раз попали и наши авторы, они, следуя жанровым условностям, лишили себя статуса протагониста (главного действующего лица), а заодно и своих собеседников — статуса антагонистов, что придало всем персонажам большую открытость пониманию, а их суждениям — большую восприимчивость к обоснованности контраргументов.

Не кривя сердцем, трудно сказать, что это «игра с нулевой суммой». Когда участники коммуникации искушены в технике рефлексивного управления, всегда остается подозрение о попытках управления пониманием (через жанровую и концептуальную структуру текста). Не исключая и этой возможности, могу лишь читательски засвидетельствовать, что чистота диалогической равноудаленности от этого соблазна в тексте авторов вполне на уровне предельно допустимых значений. Об этом, кстати, говорит и трудная работа изживания радикально-либеральных иллюзий, следы которой также заметны в этой части книги.

А включив в текст государственника слова «история рассудит», авторы допустили возможность такого отношения к стратегическому мышлению, когда стратегии не пишутся «на раз», как говорят актеры, а вырастают в ходе исторической практики; наблюдаются — в поведении реально действующих в ней субъектов — как курс развития событий; и лишь затем оформляются в документах понимания: декларациях о намерениях, согласованных повестках дня, пресс-релизах саммитов или ценностных диалогов. Пока это посылно участникам по развитости понимания и доброй воле к согласию.

Так что условный диалог о стратегиях, на мой вкус, состоялся. Состоится ли безусловный?

И еще...

Навык понимающего отношения к жизни, сложившийся в привычных обстоятельствах, при попадании в ситуацию непонимания оборачивается чувством страха или отвращения. Некритическое отношение к уже понятому подло лишает нас возможности уверенного и внятно выраженного сомнения. И оставляет его один на один с агрессией, побегом от действительности и замиранием. Только вместе с навыками понимающего непонимания, принимающего неприятия, воздержания от утверждения и отрицания растет свобода мысли, совести и действия, открывающая взор ценностным истокам мысли.

Напротив, отвращение и страх, эмоционально артикулируемые предвзятым и горделивым неприятием, глухотой к надеждам и сомнениям (своим и чужим), закрывают путь, если и не сразу к национальному примирению и согласию, то хоть к терпению и стойкости, о которых недавно говорил А. И. Солженицын, к избавлению от исторических каверн и очищению эмоционально-ценностной атмосферы общества.

Перенаселенность публичной словесности нарицательными, вирулентными именами/персонажами, потерявшими уже

свой конкретный исторический смысл, не свидетельствует ли о неудачных попытках справиться с аффективным хаосом, турбулентностью, доставшимися нам в наследство от исторической судьбы? И от «застенка, который одновременно хотел быть и всеильным, и невидимым», как выразилась однажды А. А. Ахматова. Но помнить об ужасах, пережитых страной, народами и людьми, только держась за «аффективное бессознательное» и его навязчивую феню, не значит ли добровольно сдаться в тот самый страстный плен, что многим стоил репутации *homo sapiens*?

Волков А. Д., Привалов А. Н.
Скелет наступающего.
Источник и две составные части
бюрократического капитализма в России

Заведующий редакцией (Москва)

Руководитель проекта

Ведущий редактор

Литературные редакторы

Выпускающий редактор

Художник

Корректоры

Верстка

А. Попов

К. Пискарева

М. Моисеева

М. Моисеева, Ю. Чернушевич

Н. Лукьянова

Л. Адуевская

Т. Курьянович, И. Федорцева

К. Подольцева-Шабович

Подписано в печать 29.10.07. Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 17. Тираж 3500 экз. Зак. № 1194.

ООО «Питер Пресс», 198206, Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, д. 73, лит. А29.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;

95 3005 – литература учебная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП ПО «Псковская областная типография»

180004, г. Псков, ул. Ротная, 34

Александр ВОЛКОВ —
эксперт-аналитик,
любитель экстремальных
методов исследования
закрытых и сложно-
организованных сфер
общественной жизни.

Александр ПРИВАЛОВ —
математик по образованию,
экономист по ученой
степени, в нынешней
жизни — журналист.
Один из основателей
журнала «Эксперт».

ISBN 978-5-91180-749-8

9 785911 807498

 ПИТЕР®

Заказ книг:

197198, Санкт-Петербург, а/я 619
тел.: (812) 703-73-74, postbook@piter.com

61093, Харьков-93, а/я 9130
тел.: (057) 758-41-45, 751-10-02, piter@kharkov.piter.com

www.piter.com — вся информация о книгах и веб-магазин